

INSPIRIA

«В этом новом романе больше поворотов и поддельных зацепок, чем в эпизоде любого сериала»

Rolling Stone

ЕСЛИ

Я

ИСЧЕЗНУ

ЭЛИЗА ДЖЕЙН БРЕЙЗЕР

INSPIRIA

Элиза Джейн Брейзер

Если я исчезну

Серия «Ток. Триллер в сети»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65803233

Если я исчезну: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-156060-7

Аннотация

Молодая женщина Сера может наизусть процитировать каждый эпизод любимого подкаста о настоящих преступлениях. Они дают ей чувство контроля и защиты в мире, где женщины исчезают ежедневно. Поэтому, когда пропадает Рейчел, ее любимая ведущая подкастов, Сера понимает, что она обязана спасти ее, ведь именно Рейчел учила ее всегда доверять своим инстинктам.

Сера следует за подсказками, спрятанными в эпизодах, на изолированное ранчо за пределами маленького родного городка ведущей, чтобы начать поиски. Она убеждена, что сможет помочь своему кумиру и даст ей возможность гордиться ею. Но поиски улик и раскрытые тайны приводят ее к зловещему выводу: Рейчел не первая пропавшая на ранчо девушка, и, увы, далеко не последняя...

«Ты всегда знала, что однажды исчезнешь...»

Роман стал громким дебютом за рубежом, а Элизу Джейн Брейзер называют «глотком свежего воздуха» в мире триллеров и детективов.

Элиза Джейн Брейзер выпустила невероятно динамичный, захватывающий триллер, рассказывающий историю о смелой Сера, которая начинает собственное расследование после пропажи ведущей криминального подкаста. Сера следует за подсказками, спрятанными в эпизодах, на изолированное ранчо за пределами маленького родного городка Рэйчел, но поиски приводят ее к зловещему выводу: Рейчел не первая пропавшая на ранчо девушка и, увы, не последняя...

«Если я исчезну» стала самой ожидаемой книгой 2021 года по версии журналов Rolling Stone, CNN, E! Online, BuzzFeed, New York Post, Popsugar, Woman's Day, Crime Reads, Hello Giggles.

Содержание

Эпизод № 1: На маршруте душегубцев	12
Эпизод № 7: Последний танец	32
Эпизод № 9: Не в том месте не в то время	51
Эпизод № 13: Вне зоны доступа	69
Эпизод № 17: Ее преследуют	84
Эпизод № 21: Что-то не так	98
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Элиза Джейн Брейзер

Если я исчезну

Ванессе Уосс

Не исчезай

Eliza Jane Brazier

IF I DISAPPEAR

Copyright (c) 2021 by Eliza Jane Brazierl

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2021

* * *

Каждое утро я просыпаюсь от громкого плача соседского ребенка и включаю тебя. В темноте комнаты, которая пропахла жившей здесь когда-то собакой, ты рассказываешь историю Аши Дегри. Ей было девять, она вышла из дому с ран-

цем. Посреди ночи. В самую грозу. О ней забыли, но ты помнишь. Ты героиня историй без героя. Ты спасаешь людей – спасут ли они тебя?

Я слушаю твой подкаст до трех-четырех утра. Я не могу уснуть. Я пропускаю работу. Я лежу в кровати и снова включаю тебя.

Вместе мы бороздим просторы людской порочности: убийства «Семьи» Чарльза Мэнсона¹, дело «Черной Георгины»², преступления Теда Банди³, все убийства Зодиака⁴. Мы изучаем это все, потому что должны. Потому что больше никто не будет этого делать. Ты рассказывала об исчезновении Лэйси Питерсон⁵, а я думала: *«Ты понимаешь. Ты понима-*

---

¹ Чарльз Миллз Мэнсон – создатель и руководитель секты «Семья». В 1969 году ее члены совершили ряд жестоких убийств, в том числе убили беременную жену кинорежиссера Романа Полански, актрису Шэрон Тейт.

² «Дело Черной Георгины» (англ. the Black Dahlia) – убийство Элизабет Шорт, которое произошло в окрестностях Лос-Анджелеса в 1947 году. Убийство было совершено с особой жестокостью и до сих пор остается одним из самых загадочных преступлений, совершенных в США.

³ Тед Банди – американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е годы. Его жертвами становились молодые девушки и девочки.

⁴ Зодиак (англ. Zodiac) – псевдоним неустановленного американского серийного убийцы, действовавшего в Северной Калифорнии, по крайней мере с конца 1960-х до начала 1970-х годов.

⁵ Убийство Лэйси Питерсон (англ. Laci Peterson) – громкое убийство в США. Лэйси Питерсон пропала, будучи на восьмом месяце беременности, 24 декабря 2002 года. Тела были найдены в апреле 2003 года. В результате расследования этого преступления в США был принят новый закон, согласно которому убий-

ешь, каково это – быть женщиной в мире, который хочет, чтобы ты исчезла».

Твой последний эпизод выходит 27 марта. Скоро весенние каникулы, а ты рассказываешь об убийстве Эйприл Аткинс в доме, полном манекенов. Это мрачная история, которая становится все мрачнее, но мы знаем, мы обе знаем, что она важна, ее нужно рассказать. Эта тайна – роковая, ее нужно раскрыть. На пляжах полно людей, на набережных не протолкнуться – и только нам небезразлична эта трагедия.

На пасхальных каникулах новые эпизоды не выходят, поэтому я отматываю назад и переслушиваю все, что ты говорила мне раньше. Ты научила меня внимательно относиться к деталям – и я подмечаю каждую: ты выросла на ранчо в Калифорнии, недалеко от местности Хеппи-Кэмп (население – 1006 человек). Когда-то это поселение называлось «Отмель Убийств»⁶. Ты говорила, что все предрешено, что тебе суждено было заняться именно такой работой. В самые тяжелые моменты своей жизни ты также говорила: *«Я иногда задумываюсь, не суждено ли мне исчезнуть?»*

Ты сказала это 27 марта, в своем последнем эпизоде – а потом ты исчезла. Ни эпизодов, ни постов. В твоих аккаунтах в инстаграме и твиттере тишина: ни твита о твоём котике, ни отфотошопленной фотографии твоего желтого дома с

ство или нанесение увечий плоду во время убийства беременной женщины расценивается как отдельное правонарушение.

⁶ *Murderer's Bar* (англ.) – название времен калифорнийской золотой лихорадки 1848–1855 годов.

откровенно дерзким текстом о том, что значит быть одинокой и живой в этом жестоком и суетном мире.

«Мне суждено исчезнуть», – сказала ты – и пропала. Эпизоды остались, посты и фотографии – тоже, но обновления прекратились.

Я все еще не могу уснуть. Я переслушиваю каждый эпизод до тех пор, пока не запомню всю историю, не выучу каждый сюжетный поворот наизусть. «Она попала в аварию на проселочной дороге. Когда приехала полиция, ее уже не было».

Я знаю, что первые сорок восемь часов – решающие. И каждый новый час, который проходит без твоих обновлений, я думаю: «Что-то не так». И затем: «След остывает».

Я читаю каждый пост в инстаграме, каждый твит. Я записываю каждую мелочь.

Эпизод № 57: Никогда не знаешь, кто тебя убьет, не правда ли? Пока это не случится. Но можно догадываться. Можно кого-то подозревать, даже заранее.

Эпизод № 37: У вашего лучшего друга должен быть список имен, список людей, которых нужно опросить, если с вами что-нибудь случится.

Эпизод № 49: Я хотела бы оставить след. Или, по крайней мере, интересную историю.

Я выхожу из дома, чтобы купить чаю, и понимаю, что уже давным-давно не разговаривала с людьми. Я не причесана, одета абы как. Всю дорогу до супермаркета я слушаю твой

подкаст на телефоне.

Я скользю между другими покупателями, словно меня там и нет вовсе. Нахожу чай, тороплюсь к кассе. Я чувствую, как подступает паника, как меня сковывает страх, словно не выглядеть мило – это преступление и я не хочу, чтобы меня поймали.

Я подаю пачку чая кассиру. Он спрашивает, как мои дела, и мой первый порыв – рассказать ему о тебе. Я хочу рассказать ему, что ты пропала. Хочу спросить, не кажется ли ему, что ты мертва. Но это безумие, полное безумие. Но не в этом ли нас и хотят убедить? Не потому ли дела остаются висюльки? Никто просто не понимает, что зло все время рядом.

Едва добравшись до машины, я первым делом включаю твой подкаст. Я захлопываю дверцу, и салон наполняется твоим голосом:

«...Она резко свернула, чтобы не врезаться в гору, машину занесло, и она перевернулась набок в рощице над рекой...»

Я крепче сжимаю руль.

«...Пошатываясь, она выбралась из машины в темноту ночи. Ее видела свидетельница, проезжавшая мимо. “Я все рассказала полиции, – позже скажет она. – Мне нечего больше добавить”. Если бы она остановилась помочь, эта история могла бы закончиться совсем по-другому».

Я заезжаю на свое место на подземной парковке. Чая нигде нет. Я вспоминаю, что поставила его на крышу машины, чтобы открыть дверь, а потом включила твой подкаст и обо

всем забыла. Видимо, пачка чая упала, когда я отъезжала от магазина. Я могла бы вернуться и поискать ее, но тайна чая, который пропал, не стоит того, чтобы ее расследовать.

«Как бы вы поступили?» – спрашиваешь ты, пока я выхожу из машины и поднимаюсь по лестнице в свою квартиру. – *«Если бы увидели одинокую женщину на дороге ночью?»* Я иду по коридору мимо дверей соседей, ни одного из которых я не знаю. *«Вы бы помогли ей? Вы бы остановились? Или вы бы просто. Продолжили. Ехать?»*

Я стою перед своей дверью, опускаю руку в карман, в котором должны быть ключи.

«...иногда я задумываюсь...»

В карманах ничего нет. Я оставила ключи в квартире. Пытаюсь повернуть ручку, но я настроила замок, чтобы он закрывался автоматически. Это ты мне посоветовала. От грабителей.

«...будет ли меня кто-нибудь искать?»

Я ловлю свое отражение в зеркале на стене дальше по коридору – и мне кажется, что это ты.

«...будет ли кто-нибудь волноваться?»

У меня над головой раздаётся жужжание ламп, и свет гаснет. В темноте твой голос звучит потусторонне, так, что у меня по спине бегут мурашки.

«...если я исчезну».

Твой голос обрывается. Я стою одна в крошечной тьме и понимаю, чувствую всеми фибрами души: ты хочешь, чтобы

я тебя нашла.

Ты подготовила меня, научила меня всему необходимому. Ты всегда знала, что однажды исчезнешь. И ты знала, что я тебя найду. Я знаю тебя лучше всех. Я умею задавать вопросы и – самое главное – знаю, что сдаваться нельзя. Я раскрою твою тайну. Я спасу тебя. Это было мне предначертано судьбой.

Эпизод № 1: На маршруте душегубцев

Тюрьма Сан-Квентин⁷ находится в восьми часах езды к югу от леса Сискию⁸. В этой дикой глуши между городами Вайрика и Юрика ходит всего один рейсовый автобус. Местные называют его «Маршрут душегубцев». И недавно освобожденные, и беглые заключенные, и бродяги садятся в этот автобус и растворяются в лесной чаще.

Одним ясным солнечным днем четыре девочки-подростка в топиках и коротких джинсовых шортах сели на автобус, отправлявшийся на север из Хеппи-Кэмп в 11:30. Одну из девочек больше никогда не видели.

Дорога к ранчо твоих родителей вьется от Юрики, портового городка в Северной Калифорнии. Ты предупреждала меня, что путь извилист, но я не ожидала настолько резких изгибов и крутых поворотов: словно кто-то растягивает мехи аккордеона, а вокруг открываются пустынные и одино-

---

⁷ *Сан-Квентин* (англ. San Quentin) – тюрьма, которая находится на мысе Сан-Квентин, в округе Марин, штат Калифорния. В Сан-Квентине приводятся в исполнение смертные казни. Именно здесь, как правило, приводили в исполнение смертные приговоры для заключенных Альтаграфаса. Последняя смертная казнь здесь была приведена в исполнение в 2006 году.

⁸ Округ в северной части штата Калифорния.

кие виды. Поворот. И еще один. Кругом горы, заросшие лесами, внизу извивается река, попадаются упавшие на петляющую дорогу камни. Мои мысли петляют следом: туда-сюда, туда-сюда. А затем новый поворот.

За мной собирается вереница грузовиков, и я начинаю судорожно высматривать «карман», чтобы остановиться. На краю обрыва над рекой вырисовываются бледные очертания зоны отдыха. Я бросаю беглый взгляд в зеркало заднего вида, на скопившиеся за мной машины, резко выкручиваю руль и съезжаю с трассы, оттормаживаясь и трясясь по грунтовке. Мои ладони мокрые от пота, а сердце готово выскочить из груди.

Я останавливаю машину и дергаю переключатель передач. Вздрагиваю, представив, что тормоза отказывают и я неминуемо падаю в реку, бегущую вниз. Хотя я и стою на твердой земле, но не могу отделаться от мысли, что она вот-вот уйдет у меня из-под ног и я полечу вниз головой в пучину. О реке Кламат я знаю из нескольких твоих эпизодов. Из эпизода № 15: *«грязно-коричневого цвета»*, из № 43: *«течение такое сильное, что утопленников несет до самого океана»*⁹. Мое тело выбросит на берег в сотнях миль отсюда.

Я жду, пока мое сердце перестанет бешено колотиться, но оно и не думает успокаиваться, поэтому я еще раз проверяю стояночный тормоз.

Кладу в рот и зажимаю между зубами одну таблетку бе-

---

⁹ Река Кламат впадает в Тихий океан.

лой, похожей на мел, драмины¹⁰. В эпизоде № 13 ты говорила, что принимала по две такие таблетки в день, чтобы только доехать по этой крутой дороге в школу и назад. Но у тебя все равно начиналось головокружение, тебя все равно тошнило. *«В конце концов, – подытожила ты, – я поняла, что выезжать с ранчо было, в принципе, незачем».*

Гостевое ранчо «Фаунтен-Крик» – место, где ты выросла. Там отличная рыбалка, прогулки верхом, захватывающие виды, но самое главное – там вас ждет уединение. Ты выросла в таком месте, где вокруг не было ни души.

Эпизод № 18: Я слышала собственные мысли, а это не всегда так уж хорошо.

Эпизод № 34: Я никогда не узнаю, каково это – наслаждаться обществом одной себя.

Ты жила в идиллии, пока одна из местных девочек – таких же, как и ты, – не исчезла.

Эпизод № 1: Когда трагедия происходит в маленьком городке... Не хочу сказать, что здесь она ощущается острее, не хочу умалять чьи-то переживания. Но во всей моей школе было двадцать три ученика. А потом их осталось двадцать два.

Со мной не случалось ничего по-настоящему ужасного, и я завидую тебе по одной простой причине: моя жизнь изменилась *с тех пор*, все пошло наперекосяк *с тех пор*. Меня

---

¹⁰ Препарат от морской и воздушной болезни, болезни Меньера, а также для профилактики и лечения симптомов вестибулярных и лабиринтных нарушений.

прошибает пот; я считаю, что сама во всем виновата.

Ты была поражена. Вначале ее исчезновением, а потом и исчезновениями остальных: местного масштаба, государственного, мирового. Ты начала тщательные поиски, стала частью сообщества любителей жанра «настоящее преступление», а затем начала вести свой подкаст. Ты хотела что-то изменить, хотела спасти кого-нибудь. Ты хотела спасти всех.

Эпизод № 14: Когда я думаю о том, что кто-нибудь где-то там услышит меня... что кто угодно и где угодно будет иметь доступ... Конечно, моя аудитория не сравнится с количеством зрителей «Дэйтлайн»¹¹ или даже слушателей «Моего любимого убийства»¹², но преимущество подкаста в том, что его можно слушать где угодно. И, быть может, именно вы сумеете найти пропавшего без вести. Быть может, именно вы обладаете ключевым доказательством, которое поможет раскрыть убийство. Быть может, благодаря мне кому-нибудь удастся спастись.

Ты вела подкаст из своего дома, который стоит на участке твоих родителей, из желтого дома с красной крышей, из дома настолько идеального, что он вполне мог бы находиться в

---

¹¹ *Dateline NBC (англ.)* – еженедельное шоу на американском телевидении, которое в основном освещает истории в жанре «настоящее преступление». Выходит вечером по пятницам и воскресеньям.

¹² *My Favorite Murder (англ.)* – подкаст в жанре «настоящее преступление», которые ведут две комикессы. В 2020 году этот подкаст скачивали 35 миллионов раз в месяц.

Диснейленде.

Я нашла сайт ранчо в интернете. На сайте было горделиво указано, что это «семейный бизнес». Там же была твоя фотография. Я впервые увидела тебя, и ты выглядела именно так, как я себе и представляла: ты выглядела похожей на меня.

Внизу подо мной бежит бурая река Кламат. Надо мной горы, которых почти не видно за деревьями. Из эпизода № 1 я знаю, что там растут ели, сосны, дубы, клены, Земляничники Менциса, ели и манзаниты. Этот мир знаком мне по твоим фотографиям, и тем не менее меня поражает его величественная и захватывающая красота, его монументальность, его схожесть с пейзажами фильма «Дикая» с Риз Уизерспун, его неподдающаяся даже инстаграму прелесть. Я никогда не была в подобных местах. И если бы не ты, я бы никогда не узнала об их существовании.

Как ни странно, но я представляю себе, в каком бы ты была восторге, если бы сейчас вместе со мной погружалась в расследование собственного исчезновения. Я делаю глубокий вдох, беру телефон и нажимаю кнопку «play». Твой голос заполняет машину, хриловатый, бархатный, вкрадчиво нашепывающий тайны.

Я снимаюсь с тормоза, завожу мотор и выруливаю обратно на трассу. Проезжаю участок дороги, посвященный «Милостивой государыне»¹³, и вспоминаю, что в эпизоде № 19 ты

---

¹³ Героиня книги Стеллы Уолхолл Патерсон «Милостивая государыня» (англ. Dear Mad'm).

рассказывала мне ее историю. Милостивая государыня была восьмидесятилетней женщиной, которая в 1950-е переехала в простую хижину на реке КлаMAT, занималась садоводством, пряталась от пум и писала книгу. Она решила, что жизнь ее еще не кончена, но, чтобы это стало правдой, ей нужно было покинуть мир, который твердил ей об обратном. Ей нужно было приехать сюда.

Воодушевленная, я плавно еду дальше, как вдруг дорога дает резкий поворот, я не успеваю вовремя притормозить, и машину несет, а внутри меня все переворачивается. И внезапно я отчетливо понимаю, что ошиблась во всем.

Ты не пропала – ты просто решила пожить без интернета. Сейчас я приеду к твоему желтому домику, и ты будешь там. Я скажу: «Привет, я просто проезжала мимо. Я давно слушаю ваш подкаст». А ты в испуге отшатнешься. И потом, когда выйдет следующий эпизод, ты скажешь:

Эпизод № 85:

Сегодня утром моя сумасшедшая поклонница заявила ко мне домой под предлогом того, что была неподалеку. Я думаю, она хочет меня убить. Если со мной что-нибудь случится, знайте: ее зовут Сера Флис.

Она типичная неудачница, не интересующаяся ничем. Вы знаете таких людей. Она считает, что если пометить крестиком определенные пункты жизни, достигнуть правильных целей, то жизнь сама пойдет по накатанной, а она сможет довольно расслабиться и

спокойно поживать на лаврах. Но вместо этого жизнь не перестает требовать от нее действий, управления, постоянно треща по швам, ломаясь, разрушаясь. Она бросила колледж, после того как вышла замуж. Потом она ждала ребенка, а потом не ждала. Муж бросил ее, и ей пришлось снова начинать все сначала, поэтому она нашла работу, но там недостаточно платили. Она нашла другого парня, но он недостаточно ее любил. Так что она нашла другую работу, на которой платили еще меньше, и квартиру, за которую нужно было платить больше. Она нашла парня, который любил ее еще меньше, а следующий – еще и т. д. Каждый год всего было меньше и меньше, поэтому ее все меньше что-либо волновало.

Пока однажды ей не стало абсолютно все равно. Тогда-то она и отправилась искать меня.

Мои руки трясутся, пока я снова съезжаю с трассы. Ощущение такое, будто ты, где бы ты ни была, можешь слышать, о чем я думаю. Будто ты наблюдаешь за мной. В просвете между горами я вижу кружащих стервятников. Интересно, они за тобой или за мной? Интересно, как бы ты рассказала мою историю, если бы я исчезла?

Я заехала слишком далеко: где-то между бесконечным серпантинном дороги и обступающими со всех сторон деревьями я пропустила поворот на ранчо. Я знаю, что мне нужна отметка «63 мили», но она явно осталась где-то далеко позади, а на телефоне крутится, не переставая, как штурвал

попавшего в бую корабля, значок поиска сигнала.

В эпизоде № 7 ты предупреждала меня о качестве связи: от Юрики до Вайрики мобильный не ловит, *совсем*. Лишь в одном месте, на большом кольце над рекой, южнее Хеппи-Кэмп, изредка можно поймать сигнал единственного оператора «Веризон». В любой день там, на отвесной скале, стоит по крайней мере одна машина. Под открытым небом и в поле невидимого где-то в вышине сигнала страждущий воздевает руку с телефоном к небесам.

Я подготовилась, сделала скриншоты маршрута с гугл-карт, записала номер дорожной отметки – и все равно пропустила ранчо твоих родителей. Я понимаю это, когда доезжаю до Хеппи-Кэмп: в широком бассейне реки тут и там разбросаны низенькие строения, видно заправку самообслуживания, а Медведь Смоки¹⁴ с бигборда напоминает мне об опасности пожара. На знаке написано «Добро пожаловать в Хеппи-Кэмп, родину семейного отдыха на природе!», внизу нарисована серебристая форель размером с акулу.

Я заезжаю на безлюдную парковку, чтобы обдумать, как поступить дальше. Я могу вернуться назад, получше сосредоточиться и отыскать дорожные отметки в бесконечных изгибах трассы – или я могу спросить дорогу.

Мне нужно в туалет, так что я выхожу из машины.

---

¹⁴ *Медведь Смоки* (англ. Smokey Bear или, неофициально, англ. Smokey the Bear) – талисман Лесной службы США, созданный для того, чтобы просветить общество об опасности лесных пожаров.

Голова у меня все еще кружится. Ноги затекли, колени трясутся, пока я иду в сторону центра города, который находится на следующем перекрестке. Я иду по Мэйн-стрит (ты называла ее «кроличьей клетушкой»), потому что все местные наркоши собирались здесь на фургончиках и сновали туда-сюда ночи напролет и скреблись, как звери в клетках). Прохожу мимо полицейского участка (который, согласно эпизоду № 7, работает всего четыре часа в день), мимо культурного центра, на котором висит сбивающий с толку плакат: «Не входить, это жилой дом!»

Мельница и серебряный рудник закрылись в 80-е. Тогда же Хеппи-Кэмп лишился второго продуктового магазина, а также хозяйственного, и магазина видеодисков, и ресторана с меню на двадцать страниц в придачу.

Вскоре я нахожу единственную кофейню и направляюсь туда. Внутри тесно, помещение чем-то напоминает группу в детском саду или школьный класс, но с чрезмерным количеством любительских картин. Вдоль стены тянутся книжные полки, в углу стоит вешалка с футболками на продажу. В другом углу шестеро мужчин в разных стадиях Хэнка Уильямса¹⁵ сидят на раскладных стульях и болтают о бревнах и пиломатериалах. Я прохожу в дальний конец помещения, в туалет.

---

¹⁵ *Хэнк Уильямс* (англ. Hank Williams) – американский автор-исполнитель, которого часто называют отцом современной кантри-музыки. Страдал алкоголизмом и наркоманией, умер в 29 лет от остановки сердца.

Моя руки, я стараюсь не смотреть на свое отражение в зеркале над раковиной. Когда я не накрашена, мне в принципе кажется, что я не заслуживаю того, чтобы существовать. Я решаю, что не буду спрашивать дорогу. Какой ориентир мне вообще могут дать: двенадцатое дерево или пятый изгиб трассы?

Я ретируюсь из туалета и торопливо направляюсь к выходу, слыша, как мужчины обсуждают древесных вредителей. Путь мне преграждает женщина с грязными чашками в руках, длинные тонкие дреды свисают за ее спиной до самой поясицы.

– Все в порядке, – говорит она ровным голосом. Я сворачиваю к книжным полкам.

– Я только хотела посмотреть ваши книги, – вру я, потому что чувствую себя виноватой за пользование туалетом без спроса. Я хочу, чтобы она поверила, что я – посетительница и мой поход в туалет был непредвиденным. Хочу, чтобы она видела во мне серьезную покупательницу в поисках хорошей книги.

– У нас можно меняться книгами, а так цена на обложке.

Я смотрю на корешки и удивляюсь подборке книг и отсутствию религиозной литературы, которой обычно много на подобных полках. Но здесь стоит изрядно потрепанное издание «Оно» Стивена Кинга по цене три доллара, «Комната с видом»¹⁶ и «Рассказ служанки»¹⁷ по доллару с половиной.

---

¹⁶ «Комната с видом» (англ. A Room with a View) – роман английского писа-

Я почти готова их купить просто от удивления.

Женщина стоит надо мной и наблюдает, не говоря ни слова.

Я знаю, что мне стоит спросить у нее дорогу, но в голове звенит «Будь осторожна». Кто угодно может быть подозреваемым, у кого угодно могут быть улики, поэтому мне нужно держать ухо востро. Мне нельзя выдать своих намерений, пока я не выясню, действительно ли ты пропала. Я думаю о тебе и о том, как бы ты поступила, как бы ты, преисполненная праведностью, держалась отчужденно, безобидно и при этом была бы уверена в своей правоте.

– Вы хорошо знаете эти места?

– Я здесь выросла. – Она придерживает дребезжащую чашку. – Что привело вас в Хеппи-Кэмп?

Я уверена: она знает, что я здесь одна, – и осуждает меня за это. У себя в голове в этот момент я отчетливо понимаю: она знает обо мне все и от этого ведет себя самодовольно и высокомерно.

– Я еду к подруге, – отвечаю я набычась и сразу же раскаиваюсь.

– Как ее зовут?

– Вы, скорее всего, ее не знаете. – Я обвожу глазами кафе.

– Скорее всего, знаю.

теля Э. М. Форстера, изданный в 1908 году и повествующий о судьбе молодой женщины во времена сдержанности Эдвардианской эпохи.

¹⁷ «*Рассказ служанки*» (англ. *The Handmaid's Tale*) – антиутопический роман канадской писательницы Маргарет Этвуд, впервые опубликованный в 1985 году.

Компания мужчин замолкает и поворачивается в нашу сторону. Это дело касается всех. Население сократилось – и теперь любой новый человек интересен здесь каждому.

– Милостивая государыня, – говорю я, и это звучит, как ответ сумасшедшей. На полке стоят три тонкие желтые книжечки о ней, на стене висит плакат.

Женщина, теперь убежденная, что я психопатка, отступает на пару шагов назад.

– Не хочу вас обидеть, но я уверена, что она умерла.

– Я писательница, – выпрямляюсь я, произнося заготовленную легенду. Я действительно пишу время от времени. В основном, в дневник. О том, что я слишком подавлена, чтобы писать. Но мне нравится эта идея – путешествующая писательница в постоянном поиске историй. – Как была и она.

– Что вы пишете?

– Детективы, – вот что я пишу.

– Правда? Вы будете писать об этом месте?

Всякий раз, когда ты говоришь людям, что ты писательница, они непременно полагают, что ты напишешь о них. Неважно, что ты планировала написать, в каком жанре или стиле, тебе не останется ничего другого, кроме как подстроиться под них, потрясающе увлекательных.

– Если удастся найти хорошую историю, – отвечаю я. Она деловито кивает, берет чашки и собирается уходить. – Вообще-то я ищу, где бы переночевать. – Она останавливается. – Есть ли поблизости гостевые ранчо?

Она называет гостиницу и ранчо, о которых я читала в интернете, и ни слова не говорит о доме твоих родителей, хотя я знаю, что оно в радиусе десяти миль отсюда.

– А ближе что-нибудь есть? – «Фаунтен-Крик» вертится у меня на языке. Просто скажи «Фаунтен-Крик». Просто скажи.

– Не-а, к сожалению, это все. Городок маленький. В Юрике у вас будет гораздо больше вариантов. – Я приехала из Юрики. Нас разделяют три часа езды и пара десятков гостиниц по дороге. Создается впечатление, что она хочет отправить меня как можно дальше.

– Я надеялась найти такое место, где держали бы лошадей. – Я знаю, что только у твоих родителей есть лошади.

– Нет, здесь никто не предлагает конные прогулки. Наверное, вы могли бы попытаться счастья в Вайрике.

– По-моему, я слышала что-то о гостевом ранчо, которое предлагает прогулки и рыбалку или что-то в таком роде.

Ее взгляд становится жестким, глаза темнеют. Группа в углу снова замолкает, мужчины сидят и напряженно глядят в свои чашки с остывшим кофе. В Коррале О-Кей полдень¹⁸, и я жду, что в любой момент в двери войдет ковбой и пристрелит меня.

– Я не знаю того места, о котором вы говорите, – отвечает

---

¹⁸ Отсылка к самой известной перестрелке в истории Дикого Запада и в мире. Перестрелка у Коррала О-Кей (*англ.* Gunfight at the O. K. Corral) произошла в три часа пополудни 26 октября 1881 года в городе Тумстоун на Аризонской территории.

она, глядя на меня невидящим взглядом, будто я сумасшедшая. *Я!* Как же это бесит. Ничто меня так не раздражает и не пугает, как то, что кто-то может принять меня за сумасшедшую. Название ранчо почти срывается у меня с языка, лишь бы она замолчала.

Ранчо «Фаунтен-Крик»! Это название готово сорваться с моих уст, бежит мурашками по коже, расходится волнами по телу.

– Не знаете? Должно быть, я ошиблась.

– Наверное. – Она начинает осторожно отходить, словно я обделалась и она хочет вежливо уйти от источника вони.

Я обвожу взглядом помещение, но мужчины сидят, по-прежнему уткнувшись взглядом в свои чашки и рассматривая свои мозолистые руки.

Я хочу остаться. Хочу силой вынудить кого-то сказать мне правду. Я только-только взялась за это дело и уже ощущаю себя неудачницей, а ведь я приехала, чтобы сбежать от этого чувства.

Я хочу выкрикнуть твое имя. Хочу изо всех сил орать «Рэйчел Бард!», пока они не начнут дрожать и трепетать из-за чувства вины, из-за своей лжи. Я хочу, чтобы они знали, что я твоя подруга, а ты моя, что я приехала сюда, чтобы спасти тебя. И спасу. Потому что с тобой что-то случилось и все об этом знают, но никто ничего не делает. Однако я сдерживаюсь, обхватываю себя руками и направляюсь к двери.

Я не успеваю до нее дойти, как вдруг в дверь влетает муж-

чина, не обращая на меня ни малейшего внимания, будто меня и нет вовсе. Кожа на его шее сзади выглядит, как куриная кожа из супа, а глаза странно мутные.

– Где ты был? – восклицает женщина, и вдруг у моих ног разбивается чашка, и я не знаю, бросила ли она ее или та просто выскользнула у нее из рук. Обернувшись, я вижу, что они слились в плотном объятии, как танцоры на паркете.

В противоположном углу шестеро мужчин делают вид, что ничего не происходит. Никто не говорит ни слова, будто это нормально – бросать все, как только в дверь заходит твой мужчина.

Меня уволили с самой низкооплачиваемой работы за то, что я позволила пожилой женщине вынести товар, не заплатив. Я видела, как она, древняя, никем не замечаемая, бродит по магазину. Она положила в сумочку маникюрные ножницы, меня это позабавило, и я улыбнулась. Затем она взяла шелковый шарфик и флакончик духов. Я представляла, как она сидит дома в одиночестве, вокруг ее шеи обмотан шарфик, на кофейном столике стоит бокал вина, она брызгается духами и подстригает ногти на ногах. Я мысленно видела, как она расставляет свои маленькие трофеи на полке, словно улики, отходит немного назад и любит себя ими, пересчитывает их, этих свидетелей ее постепенного исчезновения.

Мой менеджер увидел, как я за ней наблюдаю, но я не знаю, видел ли он, что она делала. Он увидел меня, наблю-

давшую за женщиной, и услышал визг сигнализации, когда она прошла сквозь рамку. Самое забавное, что он не погнался за ней. Он позволил ей идти крадучись по торговому центру так, словно был ей чем-то обязан, так, словно она не стоила того, что взяла. Но он уволил меня.

Сейчас, обходя Хеппи-Кэмп по кругу, я чувствую себя невидимой. Словно моргая, я проваливаюсь в небытие, пока иду мимо и разглядываю заброшенные витрины и спрятанные в кустах за хилыми заборами трейлеры. Какой-то мужчина в одиночестве устроился на раскладном пляжном стуле около входа в Культурный центр и сидит там как изваяние. Кожа так плотно обтягивает его череп, что кажется, будто глаза вываливаются из глазниц. Если бы мне нужно было выбирать убийцу, я бы показала именно на него. Он наблюдает за мной, пока я прохожу мимо, и от одного только этого взгляда у меня сводит живот. Что я вообще здесь делаю? Я пытаюсь спасти тебя или стремлюсь быть убитой?

К стулу подходит бездомный кот, запрыгивает на него и проходит по мужчине, словно тот тоже мебель. Я боюсь смотреть на него – и боюсь не смотреть. Что хуже: смотреть или не смотреть? Однако мы встречаемся взглядами. Перед мужчиной лежит шляпа, и я кладу туда пять долларов. Пытаюсь улыбнуться, но улыбка выходит натянутой, слабой, и быстро исчезает. Но это неважно, он не улыбается в ответ.

– Заблудились? – кричит он, когда я ухожу так далеко, что заводить разговор уже нелепо.

У меня по спине пробегает холодок, я оборачиваюсь. Кот свернулся калачиком у него на коленях. Одним рывком мужчина наклоняется вперед.

– Я говорю, вы заблудились?

Я возвращаюсь к нему, думая, что он меня не осудит, как женщина в кофейне или как обычные люди, живущие обычной жизнью.

– Да.

– Вы явно ищете «Фаунтен-Крик». – Я резко останавливаюсь. – Вид у вас такой. – Он рисует в воздухе полукруг, который может означать как улыбку на моем лице, так и удавку у меня на шее. – Вы, видимо, приехали на лето, поработать, я прав?

– Да, – вру я.

– Это хорошо. Что ж, поработайте.

– Вы знаете, где находится «Фаунтен-Крик»? Я не увидела указателя на дороге.

– Просто ищите знак «Проезд запрещен». – Он расхохотался, и звук был похож на автомобильный выхлоп. Кот взвился, как ужаленный, и спрыгнул у него с коленей. – Ищите знак «Проезд запрещен»! И не забудьте сходить в туалет на дорожку! – шутит он сам с собой, хлопает себя по коленке и заходится кашлем от смеха.

Я в спешке ухожу от него к машине.

– Спасибо.

– Мы здесь делаем ставки! – кричит он мне в спину, ко-

гда я уже снова ушла далеко. – И спорим, как долго вы там продержитесь!

Оказавшись снова на трассе, я чувствую себя тревожно, будто городок взял и встряхнул меня, как котенка. При этом я понимаю, что все это зряшное, что мне нужно собраться, нужно взять себя в руки, особенно если я хочу найти тебя. Мне *нужно* держать себя в руках. Нужно сохранять спокойствие. Нужно быть как все, только лучше. Мне нужно быть как ты.

Под колеса попадает гравий, и я подпрыгиваю на сиденье, твой голос нервирует, поэтому я выключаю тебя. Я помню, что мельком видела знаки «Проезд запрещен» где-то чуть дальше. Помню, что меня удивило их количество. *«Тот, кто там живет, явно хочет, чтобы его оставили в покое».* Что за странный способ отмечать местонахождение гостевого ранчо.

Сидя за рулем, я составляю план, его мне подсказал мужчина из Хеппи-Кэмп. Я представляюсь путешественницей, которая ищет работу. Выясню, где находишься ты. Если ты дома, в безопасности, тогда я уеду (если только ты не захочешь, чтобы я осталась). Если тебя нет, ты пропала или убита, я сделаю все возможное, чтобы попасть на ранчо твоих родителей. Я использую все, чему ты меня научила, чтобы стать незаменимой. К счастью, я умею управляться с лошадьми. В детстве я занималась верховой ездой, была куль-

турной наездницей. Конечно, это немного отличается от того природного, ковбойского стиля, который признают твои родители, и все же.

Мои руки становятся липкими от пота. В груди щемит с самого утра. Я начинаю подумывать об угрозе сердечного приступа. Я проезжаю духовные тропы индейцев карук «Фата-Ван-Нун» и Иши-Пиши-роуд. Сглотнув, я притормаживаю.

В этот раз я не собрала за собой вереницу грузовиков. Дорога, словно по чьему-то тайному сговору, опустела, и я вошла в последний поворот. Сбоку от меня в гору поднимается заезд, ошетилившийся знаками «Проезд запрещен», словно это стоят озлобленные крестьяне с вилами. Наклонившись к рулю, я смотрю на бескрайнее небо и вижу тех же кружащих в вышине стервятников. Все это время они были здесь, указывая на мое место назначения. Кружат ли они в этом районе из-за меня или из-за тебя?

Я борюсь с соблазном смыться, проехать мимо, ехать до самой Юрики, как и советовала женщина в кофейне. Крепко сжав руль, я на мгновение позволяю себе насладиться чувством свободы уезжающего вдаль человека. А потом я вспоминаю эпизод № 7 под названием «Последний танец». Мисси Шуберт исчезла в семейном лагере в горах. Ее родные сообщили персоналу об исчезновении, когда Мисси не вернулась в домик к вечеру. Но персонал отказался делать объявление, отказался спрашивать других гостей, видели ли они пропав-

шую и могут ли помочь с поисками. В лицо родственникам пропавшей без вести девушки сотрудники сказали: «Люди приезжают сюда отдохнуть. Мы не хотим испортить чей-нибудь отдых». Ты на это сказала: *«Вон они какие, обычные люди. Они не хотят, чтобы их беспокоили, не хотят ни о чем волноваться. Они предпочитают, чтобы пара-тройка других людей исчезла, пара-тройка семей никогда не оправилась от горя, чем портить чей-то отдых».*

Перехватив руль, я резко выворачиваю его влево как раз в тот момент, когда на встречной полосе появляется пикап. Я чудом избегаю столкновения и, проскребя днищем, оказываюсь на дороге, ведущей к твоему дому. Пока я на всех парусах несусь вперед, со всех сторон на меня напирают знаки:

«Проезд запрещен»

«Частная собственность»

«Общественного туалета нет»

«Осторожно, злая собака».

Отступить поздно.

Эпизод № 7: Последний танец

Танцевальный вечер в честь окончания лета подходил к концу. Мисси Шуберт пришла на него со своей семьей, но большую часть времени провела с друзьями из лагеря. На снятом одним из отдыхающих видео, которое семье покажут лишь спустя шесть месяцев, видно, как она танцует с одним из работников лагеря. Как вскидывает руки. Как встряхивает головой. А потом он берет ее за руку.

Я останавливаюсь неподалеку от почтового ящика и осматриваю территорию. Это царство Спящей красавицы и одновременно типичное мужицкое ранчо: низенький коттедж, ряд небольших домиков, квадратики конных пастбищ за мощеными оградами, погребенными под зарослями ежевики. На картинке с сайта совсем не похоже. Там реклама призывно восклицала: «Проведите свадьбу у нас! Отличное место для всей семьи!» Здесь же передо мной был пейзаж из сказок, на который злая колдунья наложила проклятье.

Справа от меня небольшая парковка. Мне виден дом твоих родителей, обшитый темно-коричневой вагонкой с красными вставками. Одинокая лоза вьется по одной из стен, указывая на окно, в котором мигает золотом телескоп.

Я глушу двигатель, когда вижу, как на меня несется целая свора собак Баскервилей. За ними на красном квадроцикле,

как ведьма на метле, мчится, поднимая пыль, женщина. Собаки окружают машину, так что я не открываю дверь, а только опускаю окно. Квадроцикл останавливается передо мной, и я узнаю твою мать по фотографии с сайта.

Я вспоминаю все, что ты о ней рассказывала.

Эпизод № 7: У моей мамы есть микстура от всех невзгод.

Эпизод № 66: Моя мать – «конспирологша». Она верит, что любой факт – ложь, выдуманная правительством и направленная конкретно на нее.

Эпизод № 54: Убийство Ди-Ди Бланшар¹⁹ – как же мне это понятно, как понятно.

Ей должно быть за шестьдесят. У нее выющиеся темные волосы такой густоты, как обычно показывают в рекламе. У корней волосы седые, а брови – светлые, и меня удивляет, что она выбрала именно этот темный, безжизненный цвет.

Собаки из своры выглядят болезненными и хилыми, их грубая шерсть вся в колючках, а тела все в шишках, будто в опухолях. Одна из собак хрипит так громко, что мне кажется, пора вызывать священника.

---

¹⁹ Убийство Ди-Ди Бланшар – убийство Клоддин «Ди-Ди» Бланшар в 1967 году в штате Миссури. У убитой была дочь, Джипси-Роуз, которая, по словам Ди-Ди, страдала лейкемией, астмой, мышечной дистрофией, а также несколькими другими хроническими заболеваниями. Однако в ходе расследования у дочери не обнаружили никаких доказательств заявленных матерью синдромов. Один врач предположил, что Ди-Ди страдала делегированным синдромом Мюнхгаузена. Другой врач сказал, что это был первый в его практике случай, когда подвергшийся насилию ребенок убил жестокого родителя.

– Что *вы* здесь делаете?! – спрашивает она требовательно, словно мы знакомы.

Я думаю о тебе, о том, что ты мне рассказывала. *«Моей маме нравятся сильные люди. Холодные, как она сама».*

Я пытаюсь быть сильной и холодной, но мои губы дрожат, лицо безвольно дрожит, а голос уходит в жалобное поскуливание, когда я отвечаю:

– Говорят, у вас есть работа?

– Кто говорит? – спрашивает она в ответ, словно этот вопрос более насущный, чем тот, есть ли работа.

– В магазине, эм-м, дальше по дороге.

– Где?

– В Хеппи-Кэмпе.

– Не говорите с теми людьми о нас. Они нас ненавидят. Всегда ненавидели.

Я незаметно осматриваюсь в поисках зацепок. Здесь другой воздух, как будто давление упало и мы находимся в отдельной вселенной, в вакууме жизни, окруженной деревьями. Шоссе проходит под нами, но сейчас мне его не слышно. Небо над нами, но его словно отодвинули куда-то далеко. Воздух здесь упругий, пьянящий, упоительный; хочется дышать полной грудью.

– М-м-м, так как? У вас есть работа? – Я хочу спросить о тебе. Спросить прямо сейчас, но не могу. Нужно действовать осторожно. Держать рот на замке, а глаза – широко открытыми.

Она усмехается, слегка покачивая головой, и выдыхает:

– Что вы умеете делать?

– Все, – отвечаю я. – Я могу делать все что угодно.

На самом деле у меня нет абсолютно никакой квалификации. Я бросила колледж, когда встретила мужа. Я никогда не получала больше минимального оклада. Но в данном случае это может даже сыграть мне на пользу.

Ты говорила мне, что твоя мать любит сильных людей, но я чувствую, что ее притягивает моя слабость, как акулу – запах крови.

Она наклоняется вперед:

– Физической работы не боитесь?

– Нисколько. Я только и делаю, что работаю, – вру я. Я только и делаю, что слушаю подкасты об убийствах и с одержимостью проверяю телефон. Я и сейчас хочу его проверить, хоть он здесь и не ловит.

– Откуда вы приехали? Что скажут родные?

– Мне тридцать три. – Я говорю это так, будто это все объясняет.

Она дергает ключ, и мотор глохнет. Из-за сильного прилива адреналина я даже не заметила, что мы перекрикивали шум двигателя. В наступившей тишине мы обе замолкаем.

– Аделаида, но все зовут меня Эдди.

Я раздумываю, не назваться ли выдуманном именем, но потом мне приходит в голову, что я ведь хочу получать деньги, даже если и приехала сюда ради тебя.

– Сера.

– Ну что ж, Сера. – Она снимает перчатки и вытирает ладони о штаны, будто собирается пожать мне руку, но не жмет. Ладонь так и остается у нее на коленке. – Знаете ли вы что-нибудь о лошадях?

– Я езжу верхом с пяти лет.

– Английский или западный стиль?²⁰

– Английский.

– Это ничего. Если человек умеет ездить по-английски, то обычно и по-западному тоже. – Она говорит так, словно хочет, чтобы у меня все получилось. – Почему бы вам не сесть за мной, и я покажу вам территорию?

Я отстегиваю ремень в некотором замешательстве от того, как легко все получается. Это помощь свыше или тревожный звоночек? Я осторожно открываю дверь, и собаки гурьбой собираются у моих ног. Проходя мимо, я думаю погладить их, но меня останавливает то, что они все в каких-то странных шишках в самых неожиданных местах.

Она двигается вперед и заводит двигатель, пока я неуклюже устраиваюсь у нее за спиной. Квадроцикл подпрыгива-

---

²⁰ *Английский* (он же искусственный) стиль верховой езды означает езду на лошадях, специально подготовленных для этой цели. Так ездит большинство европейских народов. Западный стиль езды подразумевает использование коня без предварительного его обучения и воспитания, с употреблением только некоторых приемов. Таким стилем ездят азиатские народы, ковбои, казаки, а также фермеры и крестьяне. Тех, кто ездит западным стилем, иногда называют природными всадниками.

ет, и я, пытаясь за что-нибудь ухватиться, цепляюсь за нее. Она смеется лающим смехом: «Там есть где держаться». Она имеет в виду корзину за нашими спинами, но газует до того, как я успеваю до нее дотянуться. В корзине полно бутылок с чистящими средствами и какими-то зельями, которые на ходу звенят друг о друга. Она снова смеется, я дотягиваюсь до прутьев корзины и изо всех сил вцепляюсь в них. Квадроцикл срывается с места.

Мы едем по бездорожью через заросшие лужайки, по пригоркам и оврагам, от которых моя голова, еще не отошедшая от езды по серпантину, опять начинает страшно гудеть. И вдруг меня, как током, снова ударяет мысль, что все идет *слишком* гладко, что столь отчаянная готовность нанимать людей с улицы без рекомендаций семьи или друзей подозрительна, неправильна. А потом я вспоминаю женщину из кофейни и то, что она ни словом не обмолвилась об этом месте. Вряд ли это было случайностью. Это маленький городок, ты ходила в местную школу, и быть не может, чтобы та женщина не знала об этом месте. Но она его не упомянула. А твоя мать сказала, что люди в Хеппи-Кэмп их ненавидят.

Лужайка заканчивается, и мы вылетаем на проселочную дорогу. За нами столбом стоит пыль, из-под колес во все стороны летит гравий, и твоя мать говорит: «Мы не ездим так быстро, когда здесь гости». Я не понимаю, зачем же нам сейчас так быстро ехать.

Еще и запястья у меня неудобно изогнуты; резкий пово-

рот – и их больно выворачивает. Я корчусь от боли, меняю положение, а твоя мать просто смеется. Смеется так, будто чувствует мою боль и упивается ею.

Мы сворачиваем к старому сараю и останавливаемся. На стенах сарая висит старинное сельскохозяйственное оборудование: косы, топоры, пилы с тонкими зубуринами. Слезая с сиденья, твоя мать толкает меня. Я поднимаю на нее взгляд.

– Почему там кружат стервятники?

Она щурится от солнца, всматриваясь туда, где в вышине лениво парят птицы.

– Здесь это нормально, – заверяет она меня бодрым голосом, в котором проскальзывает ложь. – Что-то постоянно дохнет, это ведь дикая местность.

А я про себя думаю: «Улика» и буквально слышу твой голос, рассказывающий о моем исчезновении.

Сера Флис приехала на ранчо 12 мая ровно в 15:30. Она сразу же заметила стервятников, которые кружили над головой. От ее закономерного в этой ситуации вопроса отмахнулись. Аделаида Бард ответила, что в дикой природе стервятники, кружащие в вышине, – это нормально. И Сера поверила ей.

Слушатели тяжело вздыхают – как можно быть такой безголовой?

– Слезайте, – говорит твоя мать.

Я слезаю. Теперь, когда дорога закончилась и я больше не сижу за рулем, подступает усталость и заманчиво нашептывает: «Ты хочешь поехать домой. Хочешь включить подкаст и забыться». Мне приходится напоминать себе, что дом остался далеко позади. В попытке потянуться я расправляю плечи, но спина сильно затекла и ноет. Мне хочется расплакаться, и это шокирует меня, как обычно и бывает, когда я проявляю эмоции. Что-то подсказывает мне, что твоя мать будет не в восторге.

Собаки все это время следовали за нами, но теперь они, спокойно растянувшись на высокой траве, грызут свои болячки.

– Что нам нужно, – говорит твоя мать, стоя перед сараем, уперев руки в бока, – так это новый главный конюх, чтобы ухаживать за лошадьми.

Мое сердце сжимается:

– Что случилось со старым?

Она хмурится; я вижу, что хотя ее лицо постарело, но глаза остались молодыми и излучают теплый свет.

– Не волнуйтесь о старом конюхе.

– Я просто думала, что он мог бы меня научить и мне бы не помешало знать, кто он.

Каждая моя фраза звучит как вопрос, когда я нахожусь рядом с твоей матерью. Мне кажется, что я в более слабой позиции, и не могу понять почему: влияет ли так на меня усталость, или твоя мать просто умеет заставлять людей чув-

ствовать себя слабыми и зависимыми.

– Все, что вам нужно знать, я расскажу.

И внезапно я больше не могу сдерживаться, не могу держать тебя внутри: «Вы живете здесь с семьей? С детьми?» Мой тон под конец повышается – у меня плохо получается все: я не умею работать под прикрытием, не умею скрывать эмоции, я всегда говорю с открытым сердцем. Ты – такая же. У нас одинаковая ДНК.

Она отвечает, и ее голос звучит прерывисто, как хрип ее загнанных собак:

– У меня есть сын. И есть дочь.

– Где они?

Ее глаза расширяются, а затем сужаются:

– Я не люблю говорить о личном.

– Здесь еще кто-нибудь работает или, может быть, живет?

Зловещая тишина окутывает меня. Где-то всхрапывает лошадь, но я не могу понять где. Мы находимся в низине между гор, где звуки мечутся и отдаются эхом, так что лошадь может быть как за моей спиной, так и в нескольких милях отсюда. Звуки доносятся отовсюду и ниоткуда одновременно.

– Джед, – говорит твоя мать, – но он в отпуске. Пробыл здесь полгода, а уже в отпуске. Это все, что тебе нужно о нем знать.

Без всяких предисловий она направляется к большому амбару. Тот выкрашен только с одной стороны, в светло-голубом.

бой цвет, но при покраске дерево забыли обработать, так что теперь все неровное, грубое, в занозах. Я следую за ней и вижу, что в амбаре лежат высокие снопы люцерны посевной.

– Сколько у вас лошадей?

– Двадцать одна. Приходят и уходят. В основном спасенные.

Интересно, их спасают здесь или отсюда?

Она берет большой мачете, разрезает обхватывающее сноп перевясло, и сноп рассыпается.

– Этот Джед приехал сюда из Техаса вместе с женой. Их не хватило даже на неделю!

На мгновение я теряюсь, вспоминая, что только что она говорила о шести месяцах.

– Его жена просто взяла и однажды ночью сорвалась с места, ушла. Мне ни слова не сказала, хотя, по идее, работала на меня, что, конечно, не так, она никогда на меня не работала. Она просто-напросто ушла, а он остался здесь. – Рассказывая, она кладет мачете и начинает по частям переносить сено в кузов трактора, плотно его там утрамбовывая. – Вот какие вещи тут происходят. Тут все проверяется на прочность. Если в отношениях какие-то проблемы – тут все станет очевидно! Тут ни от чего не укрыться.

Опомнившись, я начинаю помогать ей грузить сено в трактор, показывая, на что способна. Но чем сильнее я стараюсь, тем больше все из рук валится: я вздрагиваю и роняю сено, шатаюсь под весом того, что она поднимает с легко-

стью, кладу пучки не той стороной, и ей приходится возвращаться и все исправлять.

– Мне нужен человек, который умеет обращаться с лошадьми и сможет подготовить их к лету. Ты ведь справишься, верно?

Она ведет разговор так, словно мы знакомы тысячу лет, словно она беседует с незнакомцами, думая, что это один и тот же человек, не прерывающий нить разговора.

Она разрезает еще одно перевясло, и мы грузим и этот сноп.

– Достаточно. – Она хлопает в ладоши. – Тебе нужны перчатки. – Она показывает на мои руки, испещренные мелкими болючими порезами от люцерны. Я их даже не замечала, но, как только перевожу на них взгляд, они начинают гореть.

– Как долго вы живете здесь?

– Слишком долго. – Она торопливо идет к трактору. – Можешь встать сюда. – Она постукивает ногой по ступеньке, устраиваясь на водительском месте. – Я покажу тебе лошадей.

Я вскакиваю на ступеньку и крепко держусь. Трактор большой и зеленый, со следами смазки. Мотор оживает, и она ведет его, словно хочет что-то кому-то доказать.

Она начинает смеяться, глядя на меня, изо всех сил вцепившуюся в ручку: «Он разгоняется только до двенадцати миль в час».

Я пытаюсь улыбнуться, но не каждый день мне приходит-

ся обманывать подозреваемого и выходить на работу, к которой я абсолютно не пригодна, все это – с абсолютно неизвестным человеком у черта на куличиках. В последнее время я везде чувствую себя чужой, чужой в этом мире. Я смеюсь, когда надо бы хмуриться, и плачу, когда надо бы улыбаться. Я постоянно прячусь под маской, и, казалось бы, сейчас, ради тебя, мне должно быть проще просто примерить на себя новую личину, но меня всю трясет, я испытываю чувство апатии и нереальности происходящего. Меня не покидает ощущение, будто я оказалась в вымышленном мире. В подкасте.

Она должна была с самого начала понять, что что-то не так. И она понимала. Понимала, но не обращала на это внимания. Ей было страшно, но она продолжала играть с огнем, все ближе и ближе. Есть видимые угрозы и невидимые угрозы, и порой бывает так, что видимые кажутся менее опасными.

Мы останавливаемся у первого загона. Она встает со своего места, а я спрыгиваю на землю, чтобы не мешать ей.

– Каждой лошади положен один стебель. Раскладывай их подальше, иначе лошади подерутся.

К забору подходят, фыркая, четыре лошади разных пород: пегая лошаденка, изящный арабский скакун, крепенькая работающая лошадка и малютка пони породы Морган со светлой гривой и хвостом. Твоя мать называет их клички, но делает это кое-как, словно придумывает их на ходу:

– Кевин, Ангел II, Сокровище и Белль Стар.

Она разделяет пучки, кидает их через ограду, и стебли разлетаются во все стороны, а с них сыплются колоски.

Лошади дерутся за право поесть первыми. Я где-то читала, что иерархия лошадей в природе настолько строгая, что каждая лошадь в стаде знает свое место. Эта иерархия проявляется, когда их кормят: стебли они берут по очереди. Я спешу помочь, пока твоя мать не закончила без меня, и бросаю последние стебельки четвертой лошади, которая держится на значительном расстоянии от других, нервно гарцуя взад и вперед. Это та соловая²¹ пони, Белль Стар, она переступает ногами и трясет своей золотой гривой.

– Может, подвинуть? – говорю я, думая про себя, что, если подвинуть еду поближе к пони и подальше от других лошадей, она может подойти.

Твоя мать презрительно фыркает: «Сама разберется». Она запрыгивает обратно в трактор, я спешу за ней. Белль Стар продолжает пригарцовывать, словно огороженная невидимым забором, вскидывает голову и потряхивает хвостом.

Мы останавливаемся еще у трех загонов и кормим всех живущих на ранчо лошадей. Всего их здесь двадцать одна: среди них есть как рабочие лошадки, так и те, кто предназначен для скачек. Мы объезжаем поля на тракторе, и пейзаж для меня начинает обретать форму. Ранчо разбили у подно-

---

²¹ *Соловая* – масть лошади.

зия горы, на узком плато расположились домики – цепочка белых кубиков с красными ставенками. Твоя мать показывает мне озеро для рыбалки, стрельбище, вьющуюся по всему участку миниатюрную железную дорогу и конные тропы, которые вереницей поднимаются по склону. Все на ранчо устроено для удобства гостей, это идеальное место для отдыха всей семьей. Но в то же время газоны заросли травой, домики опутаны паутиной, все проржавело, вода из бассейна почти полностью слита, а та, что осталась на дне, по цвету похожа на мочу. И все это покрыто зарослями ежевики.

– Наши попытки уничтожить ежевику остаются тщетными, – говорит твоя мать.

Я отмечаю, как она сидит в тракторе: вытянувшись вперед, такая напряженная, что мне хочется постоянно оглядываться назад, вздрагивая от каждого шороха. Интересно, чего она боится?

Когда мы спускаемся с пригорка в дальнем конце ранчо, из-за деревьев выскакивает пара лосей. Их появление не слишком удивляет нас. Твоя мать отпускает тормоз, и мы скатываемся вниз. У края обрыва мы проезжаем мимо пожарища, в котором еще дотлевают угли. Рядом стоит дом, современный, выкрашенный в темно-фиолетовый цвет. Он выделяется на фоне остальных, красных с белым, и выглядит странником, заблудившимся по пути в Сан-Франциско.

Твоя мать указывает на дом:

– Это дом Джеда. Он должен был жить там *со своей семьей*,

поэтому мы и выделили ему такое большое жилье. Снаружи не видно, но внутри очень просторно. Мы построили этот дом для своего сына, отделали его, как он просил, – в паузах между словами слышно урчание мотора, – а теперь там живет Джед.

Закончив на этом разговор, она резко жмет на газ.

– А где ваш сын? – Я пытаюсь перекричать рев двигателя, но она не слышит меня или делает вид, что не слышит. Я вспоминаю, что конкретно ты рассказывала о своем брате. В эпизоде № 8: *«Ему все доставалось с легкостью»*. В эпизоде № 13: *«Мой брат – “хороший мальчик”»*. В эпизоде № 33: *«Он окунулся в религию, а теперь захлебывается ею»*.

Она возвращается к сараю и глушит двигатель. Незамеченными подкрались сумерки и окрасили все в возвышенные, божественные цвета, что никак не вяжется с душной атмосферой вокруг. Твоя мать указывает на свой дом, который стоит поодаль, возвышаясь над всем ранчо:

– Летом мы ужинаем в саду, наблюдаем закаты. – Она снимает перчатки. – Я могу предложить вам сорок часов в неделю. Уборка, объездка лошадей, присмотр за животными.

– Где я буду жить?

– У нас есть домик для персонала, я покажу. Он совсем обычный, не такой, как тот, в котором остановился Джед. – Она ударяет себя перчатками по коленке. – Но мы еще посмотрим, вернется ли он вообще. – Она облокачивается на трактор. – Вам нужно будет самой готовить, кухня вон там.

Не нужно рассчитывать, что мы будем все время есть вместе. Мы стараемся обходиться тем, что сами выращиваем. Но этого на всех не хватает, по крайней мере пока не созреет урожай. Вам придется самой о себе заботиться в нерабочее время.

– Ничего страшного.

– И не покупайте себе еду в Хеппи-Кэмпе или в других местах поблизости.

Как по команде, мой живот начинает бурчать от голода:

– Где же мне покупать продукты?

– Мы закупаемся в Ашленде.

– Это где?

– В Орегоне, – отвечает она, при этом ни один мускул не дрогнул на ее лице.

– А разве это не далеко отсюда?

– Всего в трех часах езды. Раз в неделю мы выбираемся пополнять запасы. Эмметт как раз сейчас там, навещает друзей, вернется через пару дней. – *Эмметт – это твой отец.* – Я не собираюсь отдавать свои кровные здешним людям или правительству Калифорнии. Да и вам не нужно крутиться в Хеппи-Кэмпе. Не нужно разговаривать с местными.

– Почему?

– Вам нравится общаться с кучкой обманщиков?

– Нет.

– Здесь у нас есть все, что вам нужно.

Все, что есть у меня в машине, – это пачка острых читос.

Еда мне нужна, и чем скорее, тем лучше, но я боюсь что-то сказать. Боюсь, что призрачный шанс получить работу, для которой я совершенно не гожусь, растает. Хотя, возможно, для этой работы не требуется ничего, кроме желания забраться в глушь, исчезнуть.

На квадроцикле мы возвращаемся к моей машине, я пересяживаюсь в нее и еду за твоей матерью к домику для персонала. Тот оказывается темной лачужкой, которая сикось-накось стоит на ярко-зеленой полянке из ядовитого плюща. Домик пропах крысиным пометом, я чувствую это, едва выйдя из машины.

– Мы, разумеется, вас не ждали. – Она открывает дверь-сетку, и та слетает с петель. – Мы тут не запираемся. Нет смысла. В этих краях, если кто-то захочет пробраться внутрь, замок его не остановит.

Мотор она не глушила. Сразу при входе в дом попадаешь в гостиную, в которой стоит старинная печка: «Не советую ей пользоваться, если только не хотите поджариться». Она щелкает выключателем, и ничего не происходит: « Попрошу Эмметта разобраться».

С заходом солнца у нее, похоже, закончились силы, и она с раздражением показывает мне разные комнаты и указывает на ту, где мне остановиться: «Вам стоит выбрать эту комнату. Ванная прямо за этой дверью».

Она показывает мне кухню и кладовку с одеялами: «Отопления нет».

Все вокруг покрыто толстым слоем пыли, на полу следы ботинок: «Прибраться сможете сами. Бесплатно, разумеется».

Между оконными рамами россыпью лежат трупики мух и красно-черных жуков, в каждом углу и даже на швабре – паутина. Пока мы ходим по дому, над головами не стихает шуршание, и я понимаю, что это скребутся мыши или крысы, но твоя мать не обращает на это внимания.

– Ну вот и все. – Она останавливается в дверях. – Что ж, увидимся завтра. Начинаем в семь утра.

Выходя, она спрыгивает на землю, потому что крыльцо отсутствует. Затем она уносится на квадроцикле, оставив после себя клубы пыли.

Замок сломан. В оконном стекле – трещина, явно от пули. Холодно. Хотя она и сказала мне, что отопления нет, я решаю повозиться с вентиляционной решеткой, пока не осознаю, что за ней ничего нет. Я достаю из шкафа одно из стеганых одеял и кладу его на плоский матрас одноместной кровати. Забираюсь в кровать, чтобы согреться, заворачиваюсь в одеяло. Мне нечего есть, и нет времени, чтобы съездить в Орегон. У меня до сих пор кружится голова от тряски на дороге. Даже если бы и можно было съездить в Хеппи-Кэмп, я бы все равно не смогла в таком состоянии (а я могу ездить куда хочу, напоминаю я себе, твоя мать не распоряжается мной).

Я очутилась здесь, как будто провалилась в зазеркалье.

Назад дороги нет. Я потеряла работу и не заплатила за квартиру. Меня уже наверняка выселили. Я могла бы поехать к родителям, но они вытерпят меня не дольше недели-двух. И в любом случае это никогда не помогало решить проблему, а только снова и снова отправляло меня по кругу.

Живя в большом мире, я теряюсь. Из года в год я становлюсь все меньше, но внутри твоего голоса, внутри твоих историй я – героиня, я решаю проблемы и повсеместно спасаю женщин. Спасаю себя. Я – дома. Ты и есть мой дом.

У меня на телефоне есть все твои эпизоды, и я засыпаю под звуки твоего голоса из эпизода № 7: *«Деревья здесь кажутся живыми. Не знаю, как объяснить, это нужно почувствовать. Это место просто... – ты вздыхаешь, – безумное».*

А потом ты рассказываешь мне о пропавшей Мисси Шуберт. О том, как она танцевала. Где она танцует теперь?

Эпизод № 9: Не в том месте не в то время

Дейзи Куин появилась на пороге особняка в 12:45; ей как консультантке фирмы LuLaRoe²² по продаже женской одежды было назначено на 13:00. Позже следы ее крови найдут на шести парах легинсов и на восьми майках.

Я просыпаюсь среди ночи от звука голосов; кто-то ругается, при этом спорящие могут быть как в десятках миль от меня, так и прямо за стеной. Голоса могли просочиться из моих снов, стократно усиленных неестественной, кромешной темнотой. Забыв, что нахожусь не в своей кровати, я тянусь к телефону, но, услышав скрип старых пружин бугристого матраса, вспоминаю, где я. В доме стоит такая невыносимая вонь, что у меня стучит в висках. Я пытаюсь разобраться, что говорят ругающиеся, но ничего не выходит. Я слышу дикий крик, словно кто-то бросает вызов тьме; ревет двигатель, а затем его звук постепенно удаляется. Мне наконец удастся отыскать телефон в складках запутавшегося в ногах одеяла.

3:37 утра.

---

²² Американская фирма, которая с помощью сетевого маркетинга занимается продажей женской одежды через независимых дистрибьюторов.

Я отмечаю время, словно эта информация сыграет свою роль позже. *Она услышала, как в 3:37 утра на улице остановилась машина. Она приехала в 15:37, а в 3:37 услышала ссору.* Можно подумать, у жизни есть какой-то алгоритм, который можно просчитать.

Лежа на спине в темноте, в тишине я слышу лишь одно – где-то скребутся грызуны. Снилось мне тоже ссора – я ругалась со своим бывшим мужем. О чем? Вспомнив, я цепенею.

Мне кажется, будто у меня нет цели в жизни.

Если бы ты тогда завела ребенка, то цель была бы.

Ребенок умер. В моем сне. Почему это должно мне сниться? Неужели мало того, что это случилось на самом деле?

Ранчо затихает, крысы перестают копошиться, и я начинаю задумываться, не слышались ли мне вообще те голоса.

Начало седьмого. В утреннем свете становится видно, что одеяло грязное, а матрас весь в пятнах. Крысиным пометом несет так сильно, что, едва выбравшись из кровати, я открываю все окна в домике, попутно уничтожая паутину и слыша, как хрустят закостеневшие, застрявшие между рамами жучки.

Холодно, но голод вынуждает меня выйти на улицу. В машине осталось полпачки чипсов, а еще там лежит куртка и пара перчаток. Больше я ничего не взяла с собой. Я не думала, что все так далеко пойдет. Даже садясь вчера утром за

руль, я думала, что на полпути пойму, что все это – безумие, и развернусь. Пойму, что я найду свое место в жизни где-нибудь еще.

Почти весь прошлый год я провела в своей спальне. У меня не было сил. Не было сил куда-то выходить. Не было сил на свидания из тиндера, как только я поняла, что это приложение по поиску партнеров для секса. Не было сил встречаться со старыми друзьями, которым не с кем было оставить своих детей, так что они оставляли этих детей под моим присмотром. Точнее, я присматривала за тем, как они присматривают за своими детьми. Не было сил выносить их телефонные разговоры с посторонними при мне. Друзья никак не могли их пропустить и в итоге *злились на меня*, что я хочу живого общения. В общем, у нас не осталось ничего общего: люди, которых я когда-то знала, стали неузнаваемыми; с *большим* облегчением сбежав от самих себя, они переключились на нечто большее, ушли к таким высотам, о которых я не могла и мечтать. Иными словами, мои друзья завели себе маленькие версии себя и преисполнились невероятной гордостью.

Ты никогда не хотела детей. Никогда. Ты просто этого не понимала. *Как можно приводить детей в такой мир?* – сказала ты. – *В мир, в котором повсюду зло.*

Весь прошлый год я провела, одержимо, по шесть, восемь, десять (четырнадцать?) часов проверяя свои любимые форумы о настоящих преступлениях, просматривая видео на юту-

бе о нераскрытых преступлениях, читая материалы дел и, наконец, слушая тебя снова и снова, пока твой магнетизм не заморозил меня и не погрузил в твой мир. Я настолько увлеклась, что для меня вполне естественно и правильно оказалось стать частью этого мира, который, ты заверяла, я не пойму, не присоединившись к нему.

Мне всегда было интересно, что было бы, если бы я исчезла. Если бы просто продолжила ехать дальше. Что, если бы это был мой сознательный выбор? Что, если бы, вместо того чтобы покорно растворяться день ото дня, год от года, я бы продолжила путь, до точки невозврата на краю мира, до того места, куда люди бегут, чтобы исчезнуть?

И тогда я нажала на газ и поехала кружить по дорожному серпантину, держа путь к изоляции, к одиночеству, к своему самому большому и неизбежному страху. Я поехала к тебе.

Воздух на улице холодный тем особенным холодом, который бывает только в дикой природе, где нет никаких искусственных источников тепла. Холод успокаивает мои ноющие пальцы. Я осторожно и очень тихо открываю дверцу машины, хоть дом твоей матери и стоит на другом конце ранчо. Я знаю, что звуки здесь появляются и утихают таинственным образом. Из багажника я достаю джинсовую куртку на флисовой подкладке. Когда-то это была куртка моего мужа; она мне велика. И не пахнет ничем, прямо как он. Потом я нахожу теплые спортивные перчатки и ту пачку чипсов. Откуда-то доносится лошадиное ржание.

У меня меньше часа до встречи с твоей матерью, и я планирую провести это время с пользой. Я найду твой желтый домик. Я выйду на основную дорогу и пойду от въезда, от дома твоей матери в сторону домика Джеда и дальше, к дальней части ранчо. Между деревьями за мини железной дорогой вьется узенькая тропинка, и я выхожу на нее, думая, что никто меня не увидит.

Тропинка мокрая от росы, заросшая, тут и там на ней попадаются камни. По одну сторону от нее – отвесный обрыв над шоссе. Я пересекаю пустынное поле и выхожу к домику Джеда. Там тропинка извилистым серпантинном уходит вниз по склону.

Я останавливаюсь. На краю обрыва лежит большой валун, на котором должно быть удобно сидеть и наблюдать, как за деревьями и шоссе широкая бурая река вьется между гор. Я присаживаюсь на валун. Вокруг него, как часть какого-то ритуала, разбросаны окурки со следами жевательного табака. Не отрывая взгляда от реки, я доедаю свои чипсы.

Где же твой желтый дом?

Доев чипсы, я прячу пустую пачку в карман, чтобы выбросить ее позже. Сделав глубокий вдох, я направляюсь вниз по тропинке. В долине внизу бежит ручей, который несет с собой первозданную чистоту пейзажа, отчего все вокруг выглядит по-ирландски зеленым и вечно цветущим.

Впервые почувствовав запах, я думаю, что мне показалось. Сначала запах слабый, как от попавшейся в мышеловку

крысы, но он узнавался инстинктивно. Этот страшный тяжелый запах узнаешь без подсказок. Так пахнет смерть.

Эпизод № 62: Она вошла в кухню, а ее сестра лежала на полу.

Эпизод № 18: Она нашла тело.

Эпизод № 43: Они были спрятаны в стенах, засунуты в мусорные пакеты, спрятаны в стенном шкафу.

Эпизод № 33: Их кости были закопаны в саду.

Я слышу, как ты своим голосом рассказываешь свою историю: «Она нашла ее в лесу, что было неизбежно». Она рассказала убийство. А я трепещу от ужаса.

Потом, как и положено, появляются мухи. Я слышу их жужжание, чувствую, что рой где-то рядом, а потом мимо меня деловито пролетает пара мух. Я вся сжимаюсь, каменею. Находить тело, вот так вот наткнуться на него – тяжелее, чем кажется. Играть в детектива уже не так весело. Я закрываю нос и рот перчатками, дышать через потертую кожу становится трудно. Интересно, что мне делать, если я сейчас найду твое тело? Связи здесь нет. Полицейский участок открыт всего четыре часа в день, но когда именно? Твоя мать ждет меня. Она сказала мне не уезжать. Как мне сохранить улики? Или проще убежать, бросив тебя?

Мух все больше. Становится видно тело. Оно маленькое,

лохматое, темное. Над головой кружат стервятники, но они не по мою душу и не по твою. Они здесь из-за кота.

Я стою над телом и смотрю, как по пещеркам в костях ползают вереницы жучков. Кот черный с белыми пятнышками, и я сразу узнаю его. Это твой кот. Бамби. Я вспоминаю фотографии и видео: Бамби гуляет по пианино, Бамби смотрит на тебя янтарно-желтыми глазами, Бамби нечаянно гадит на деревянный пол, а потом загребает лапой по воздуху, стремясь все закопать.

Я испытываю ужасную, непереносимую грусть. Я ощущаю эту потерю за нас обоих и долго не отворачиваюсь, я же хороший человек.

Я расскажу твоей матери. Как бы мне хотелось сделать больше! Мне невыносимо оставлять его там, но я хорошо усвоила, что на месте преступления ничего нельзя трогать. А помочь ему я уже не могу.

Пройдя мимо домика Джеда, я снова начинаю дышать. Но я чувствую себя виноватой, соучастницей. Словно находясь здесь, я становлюсь замешанной в это дело, в это преступление. Словно твой кот умер, потому что я пришла искать тебя.

Я стучу в дверь дома твоей матери. Дом окружен прямыми кустами роз, будто его только что принес в этот сад торнадо. На стук никто не отвечает. Сделав несколько шагов назад, я поднимаю голову. В одном из верхних окон блестит золотом телескоп, направленный на ранчо.

Я слышу рев мотора и через секунду вижу твою мать, которая мчится по склону на своем квадроцикле. Она на всех парах несется к другому белому дому. Тот меньше, чем основной дом, но с теми же красными акцентами в отделке, а вокруг – проволочная сетка.

Я направляюсь в ее сторону, прохожу мимо скрытой в пещерке станции мини железной дороги, мимо бассейна, источающего запах химикатов. С твоей матерью мы встречаемся у дверей маленького белого домика.

– Иди за мной, я покажу тебе животных.

– Мне нужно кое-что вам сказать, – отвечаю я. Моя серьезность ее не впечатляет, она хмурится. Я слеую за ней в небольшой амбар. – Я нашла кота. Около дома Джеда. Мертвого кота. Он черный с белыми пятнышками.

– Это не дом Джеда. – Она передает мне ведро. – Здесь у нас кролики. – Она открывает дверь в небольшой загон, в дальнем углу которого кролики сбились в кучу. – Мы сами делаем для них корм, он полностью органический. Все, чем мы кормим животных и чем удобряем растения, мы делаем сами. – Она рассыпает корм по полу. Кролики не двигаются. На какую-то долю секунды мне кажется, что они тоже мертвые. Но потом я вижу, как у одного из них дергается усик, а у другого дрожит веко.

– Это был ваш кот? Или Джеда?

Или Рэйчел? – хочу сказать я, но молчу.

Она предостерегающе хмурится и ведет меня в другую

дверь, в курятник.

– Здесь у нас курицы. – Те клюют что-то у нас под ногами, она берет еще одну горсть корма из ведра и кидает им. – Там у нас козы, – и она указывает на их загон.

И в этот момент я замечаю *их*. Они пробираются между курицами и козами, как зловещие призраки. Они все одинакового цвета: черные с белыми вкраплениями. Одинакового цвета с Бамби. Они все двигаются резвой рысью, в них бурлит дикая, неприрученная энергия. Я привыкла видеть котов в интернете, там они толстые, балованные. Я никогда не видела их такими: жилистыми, дикими, активными.

Она видит, что я их заметила, и делает жест рукой, чтобы я следовала за ней в курятник. Это узкое помещение, заполненное белыми, похожими на космические отсеками для высиживания яиц, и они забиты яйцами, а вся комната кишит котами. Такое ощущение, что они везде: и на потолке, и под ногами. Все свободные поверхности, все полочки заняты кошками и котятами. И все они одного и того же пятнистого окраса, и все пищат, как мышата.

– По идее, они должны крыс ловить. – Твоя мать скрещивает руки.

– Их же здесь больше сотни.

– Да, ну что ж, – она отходит от двери, и я делаю шаг назад, – они плодятся как кролики.

Мне становится противно. Ей следовало бы их стерилизовать. Это же жестоко. И жутко – что они все одного цвета,

все смотрят одинаковым немигающим взглядом.

– Они не домашние животные, – говорит она. – Их нельзя гладить, особенно котят: мать откажется от них. Они здесь для того, чтобы работать, как и все остальные. Где ты, говоришь, нашла тело?

– Недалеко от... дома вашего сына. – Пока мы выходим, все эти одноцветные коты выются у нас под ногами, и это похоже на баги в видеоигре.

– Я разберусь. Мусоровоз приезжает раз в неделю. *Должен* приезжать. Летом он, бывает, пропускает неделю-другую, и мы тонем в помоях.

– Вы собираетесь выбросить кота в мусор?

– Разумеется, нет. – Она улыбается. – У нас над озером есть кладбище домашних животных.

Не знаю, верю ли я, что она изначально собиралась хоронить кота, но верю, что пристыдила ее и заставила передумать.

– Вам стоит стерилизовать котов.

Улыбка исчезает с ее лица.

– И кто за это заплатит?

Мне хочется заметить, что с учетом трактора, квадроциклов, бассейна и мини железной дороги здесь явно нет проблем с деньгами. Но я отчетливо понимаю, что, ведя подобные разговоры, хожу по тонкому льду. Мне нужно найти тебя. А потом уже можно звонить в службу защиты животных.

Она ставит ведро на место в маленьком амбаре, и мы воз-

вращаемся к квадроциклу. Она стряхивает невидимую пыль с рук.

– Сегодня у нас лошади и уборка. Полагаю, ты хотела бы начать с лошадей?

Твоя мать заводит меня в сарай рядом с конюшней. Там темно и сыро, а большие потрескавшиеся кожаные седла сложены рядами и накрыты брезентом.

– Здесь такой беспорядок. – Она приподнимает брезент и с усмешкой заглядывает под него. – Ты тут все разложишь. У каждой лошади свое седло и своя уздечка, на всех стоит клеймо с кличкой. – Она показывает на выбитые витиеватым шрифтом тиснения. – Это моя дочь придумала. Правда, мило?

Я шумно вдыхаю.

– Ваша дочь? – По коже у меня бегают мурашки. – Где она?

Она резко отворачивается к двери, и на свету видно, как ее зрачки расширяются и уменьшаются. Она хмурится.

Но теперь я не могу отступить, не могу на этом закончить. Мне нужно разговорить ее. Мне нужно поговорить о тебе:

– Она работала с лошадьми?

– Я предпочитаю работать молча. – Она дает мне понять, что лучше бы молча работала я. Она выбирает седло. – Посадим тебя на Ангелину Вторую.

Интересно, что случилось с Ангелиной Первой. Она перехватывает седло удобнее и кивает на другое для меня.

– А как же Белль Стар?

– Никто не ездит на Белль Стар. – Это звучит очень драматично, по-киношному.

– Если на ней никто не ездит, зачем вы ее держите? – спрашиваю я, не подумав.

В ее глазах мелькает удивление, потом она улыбается.

– Ты задаешь много вопросов. – Пауза. – Мне это не нравится.

Мы ловим лошадей, расчесываем их и запрягаем. Я волнуюсь, но выполняю всю работу механически, потому что руки все помнят. Как работать металлической щеткой, избегая ног, морды и живота. Как проводить рукой по задней стороне ноги лошади и сжимать ее, чтобы она подняла копыто. Когда я собираюсь поднять заднее копыто Ангелины Второй, она сгибает ногу и внезапно брыкается. Я отскакиваю.

Твоя мать смеется:

– Я забыла сказать, что она грешит подобным.

– Есть что-нибудь еще, что мне стоило бы знать? – Я пытаюсь снова, на этот раз осторожнее, но она брыкается еще сильнее.

Твоя мать вновь смеется.

– Ее надо стегнуть. – Она передает мне хлыст.

Ангелина Вторая прекрасно подает копыто. Она умная.

Мы седлаем лошадей и объезжаем двор по границе участка. Тропу не расчищали, поэтому она усыпана упавшими ветками и пестрит ядовитым плющом. В какой-то момент

мы проезжаем под поваленным деревом, крона которого висит прямо у нас над головами.

Твоя мать объясняет, что туристическая тропа только одна. По одному склону она тянется вверх до Орлиной скалы, а вниз спускается по другому до реки Клачат.

– Только не говори этого гостям! Им нравится думать, что они каждый день ездят новым маршрутом. Да и в любом случае они никогда не заметят, здесь все выглядит одинаковым.

– А как насчет тропы у дома Джеда?

Она щипает себя за нос.

– О чем ты?

– О том месте, где я нашла кота. Куда ведет та тропа?

– Там нет никакой тропы. – Она говорит так, словно от сказанных слов тропа действительно перестанет существовать. Внезапно я осознаю, что именно с той тропы и нужно начинать поиски.

Ангелина Вторая размеренно и спокойно шагает за лошадью твоей матери. Я сажусь чуть выше в седле.

– Вы сказали, Джек живет в доме вашего сына?

– Да. Мы построили его для его семьи.

– Почему же он в нем не живет?

Она хмурится.

– Это лучше спросить у него. А вот это, – произносит она, как будто поняв, что, только продолжая говорить, сможет заставить меня молчать, – шахта. Ты знаешь, чем славится эта местность?

Я не знала, что эта местность славится.

– Йети?

– И золотой лихорадкой. В 1851 году здесь нашли золото.

Многие из городов той поры исчезли, но это место выжило.

Я бы с этим поспорила.

– Я слышала, оно называлось Отмель Убийств.

– Кто тебе такое сказал? Это ложь.

Я не говорю ей, что это ты мне сказала. Мы спускаемся в долину шахты. Земля превращается в ковер из клевера, а вокруг нас настоящий зеленый дворец.

– Как красиво.

Она кивает.

– Это наш коронный номер. Гостям всегда нужно рассказывать немного истории. Но не про Отмель Убийств. Обращай внимание на то, кому и что ты рассказываешь в этих краях. Истории заразны. Мысли в голове начинают распространяться как вирус. – Она замолкает, словно потеряв ход мысли, но потом продолжает: – Гости приезжают сюда и говорят: «Не хотим уезжать». Из года в год они повторяют: «Эдди, мы совсем не хотим уезжать! Нам здесь очень нравится!» Они не видят вложенного труда. Не видят, какой этот труд тяжелый. Но нам именно это и нужно: чтобы они приезжали, видели красоту. Нужно продать идею о семье, по-настоящему живущей в условиях дикой природы. Нам не нужно, чтобы они видели, как все устроено *на самом деле*.

– А как все на самом деле?

– На самом деле это труд. – Мы проезжаем мимо ряда синих цистерн. – Это наше водоснабжение. Шесть резервуаров. Вся вода, которой мы пользуемся, поступает отсюда. Она по отдельным трубам распределяется по участку. Одна идет к нашему дому, вторая – к гостевым домикам, в том числе и к твоему, а самые дальние идут к дому моего сына и к хозяйственным постройкам на пастбищах. Летом нам приходится распределять подачу воды в душевые для гостей; если все будут купаться в одно время, вы это почувствуете. Я говорю гостям: «Две минуты, этого вполне достаточно. Мы на природе, вы все равно запачкаетесь».

Мы спускаемся с горы.

– Это стрельбище. – Она указывает на открытый участок земли, в дальнем конце которого беспорядочно стоят мишени. – У нас есть практически все виды ружей, всего четыреста двадцать семь штук. – Меня настораживает это число, и я сразу же начинаю сомневаться. Я испытываю подобные эмоции ко многим вещам, которые говорит твоя мать: она будто рисуется. – Некоторым образцам больше ста лет, но есть и другие, новые и современные, оснащенные лазером. Мы даем нашим гостям возможность попробовать все.

– Я не особо увлекаюсь оружием.

Она касается своей поясницы.

– А мое всегда со мной. Двадцать четыре на семь. И тебе бы следовало. В этих краях. – Хоть она и указала на него, я не могу разглядеть ее пистолет. Она ерзает в седле. – Мне стоит

тебя предупредить, что здесь довольно опасно. Особенно у ручья. – Она показывает куда-то за пределы ранчо, вниз, за дом Джеда. – Одной туда ходить не стоит. А ходить лучше, вооружившись. Я могу дать тебе пистолет, если у тебя нет своего.

– Мне не нужен пистолет. Что такого опасного у ручья?

– Банды.

Мне с трудом верится, что в такой глуши могут орудовать какие бы то ни было банды. Она, видимо, чувствует мое недоверие, потому что настаивает:

– Иногда мы получаем предупреждения от полиции: «Закройте двери и держите оружие при себе. Из Сан-Квентина опять совершен побег».

– Разве Сан-Квентин так близко отсюда? – Мне вспоминается эпизод № 1 о четырех девочках на «Маршруте душегубцев».

– Достаточно близко. А здешняя полиция ни во что не вмешивается. Однажды искали мужика, который жене своей отрезал голову. Полиция пустила сообщение, мол, звоните нам, если вы что-нибудь видели. Позвонило, наверное, человек сто – а он все это время как ни в чем не бывало разгуливал по Мэйн-стрит Хеппи-Кэмп и закладывал за воротник в «Змеином логове».

Конь под ней встает на дыбы, и она умиряет его. Она сидит в седле настороженно, пригнувшись, все время начеку.

– Я бы не покидала нашу территорию одна. Я бы вообще

никуда не выходила ни под каким предлогом, не сдвигалась бы с тропы вокруг ранчо. Не хочу сильно в это углубляться, но на твоём месте я бы просто оставалась здесь, в пределах нашей земли.

Только в этот момент я понимаю, что она может намекать на тебя, на то, что случилось с тобой. Банда напала *на тебя*, поэтому она и боится? Из-за *тебя*?

– Мне нужно съездить в Хеппи-Кэмп. Сегодня. У меня нет еды.

– Эмметт может привезти тебе продукты из Ашленда.

– Вы, кажется, говорили, что его не будет несколько дней. У меня с собой *вообще ничего* нет. А мне же нужно чем-то питаться. И ещё у меня нет ничего из одежды, кроме того, что сейчас на мне. – *А ещё у меня должна быть возможность покинуть ранчо. Мне нужно искать тебя, нужно опрашивать людей. Несмотря на то что сказала твоя мать, мне нужно побеседовать с полицией.*

Ее конь начинает мотать головой, и она дергает поводья назад.

– Думаю, я могла бы дать тебе пару вещей, – уступает она наконец. – На первое время. И скажи, что мне заказать Эмметту в городе.

Все это ради того, чтобы не пускать меня в Хеппи-Кэмп. Почему? И почему та женщина в кофейне не упомянула это место? Что бы она сказала о твоей матери? А о тебе? И самое главное: как мне поехать куда-нибудь, если твоя мать посто-

янно за мной наблюдает?

Моя мать, говорила ты, заставляет меня чувствовать себя виноватой за желание уехать. Так что я остаюсь. В общем, мне здесь нравится. Или, иначе говоря, я не думаю, что приживусь где-нибудь еще. Короче, я не хочу никуда уезжать. Ты вздыхаешь. Но иногда мне хочется сбежать от нее.

Эпизод № 13: Вне зоны доступа

Элизабет Лоу хотела что-то изменить. Она сняла свои пенсионные накопления. Купила фургон, рюкзак и самую легкую палатку. Она хотела уйти и жить вне зоны доступа. И ушла. Ушла так далеко, что больше не вернулась.

В тот день твоя мать отправляет меня в летний домик, где я должна вымыть панорамные окна от пола до потолка. Сделать это нужно очень тщательно: сначала я осторожно, с помощью ножа для масла вынимаю все сетки (специальные язычки-крепления на них все сломаны), затем аккуратно выталкиваю стекла и в конце вынимаю пластиковые направляющие. Пылесос, который дала мне твоя мать, бесполезен: здесь тоже нет электричества, так что мне приходится выметать засохших солдатиков из оконных рам зубной щеткой. Задумавшись, я иногда дергаю рукой, и тогда жучки отлетают мне в лицо.

Несмотря на это, такое времяпрепровождение кажется мне странно умиротворяющим. Я никогда раньше толком не работала руками, поэтому физический труд доставляет мне удовольствие. Опускающийся за окнами закат поджигает своими лучами все лобби. Есть что-то магическое в том, что я здесь, в этой глухомани, почти совсем одна и никто меня не слышит, не видит и не осуждает.

Я вспоминаю свою прошедшую жизнь так, словно это был сериал, который я просмотрела залпом. Сериал, главная героиня которого притягивала и забавляла меня, не зная, что она находится в телевизоре, не зная, что она может сбежать и увидеть себя со стороны. Будет ли кто-нибудь думать обо мне? Будет ли кто-нибудь скучать по мне? Нет. Я была не более чем шумом на фоне. Теперь же я сменила частоту, но, возможно, однажды кто-нибудь подключится ко мне.

Я чувствую необъяснимое волнение, представив, как нахожу тебя. В этом видении я вытаскиваю тебя из подземного бункера, куда тебя запихнули, чтобы ты исчезла. Из того бункера, куда хотят запихнуть и меня. Ты шуришься от яркого света, поднимаясь с земли. Твое лицо грязное, а волосы спутаны, но ты улыбаешься. Ты улыбаешься, потому что я спасла нас.

Я подскакиваю от неожиданности, когда твоя мать с коробкой еды задом протискивается в дверь:

– На сегодня все. Можешь закончить завтра. – Она опускает коробку на стол. – Этого должно хватить до возвращения Эмметта. Он вернется завтра.

Она собирается уходить.

– Мне нужно связаться с родными. Сообщить, где я. Здесь есть Wi-Fi?

Она морщит нос:

– Мы его не включаем, пока не приедут гости.

Интересно, думаю я, как ты транслировала свой подкаст

без Wi-Fi. Возможно, ты ездила в город? Или работала откуда-то из другого места?

– Когда приедут гости?

– Через шесть недель.

– Ого.

– Вон там, в кухне, есть стационарный телефон. – Она указывает в дальний конец домика, в сторону подсобного окна в кухне. – Можешь позвонить оттуда.

Как только я слышу рев двигателя ее квадроцикла, то тороплюсь к телефону. И, уже сняв трубку, я понимаю, что звонить мне некому. Последнее время со своими друзьями я виделась урывками. С удивлением я осознаю, что не видела свою лучшую подругу почти год, остальных – больше двух лет. Как же так получилось? Я много смотрела ютуб и много слушала твой подкаст.

Я все же снимаю трубку. Единственный номер, который я помню, это номер моего бывшего мужа. Я не хочу ему звонить, но кто-то должен знать, что я здесь. В эпизодах подкаста «Она рассказала убийство» ты советовала мне оставить необходимую информацию человеку, которому я могу доверять (другу или члену семьи), на случай если я исчезну. Ты называла это – набор УПС: Убийство, Пропажа, Сговор. В этот набор может входить все что угодно, что может помочь в случае исчезновения: детальное физиологическое описание со всеми особыми приметами, полная история болезни или список людей, с которыми можно связаться. Людей, ко-

которые знали тебя, которые заботились о тебе, которые могут знать, где ты. Именно это я и планирую искать в первую очередь. Искать здесь, где нахожусь сейчас и где нет тебя. У меня нет близкого человека или друга, которому можно оставить УПС, но мне нужно сообщить хоть кому-то, пусть даже *ему*, что я здесь.

– Алло? – Звук его голоса звучит для меня неожиданно, несмотря на то что это я ему позвонила. – Алло? – повторяет он, когда я не отвечаю. Наверное, думает, что ему сейчас снова что-то будут втюхивать, а он сможет отыгаться на продавце.

– Это Сера.

– Опа. Какого черта? Не думал, что ты снова позвонишь, – говорит он так, словно я была девушкой на одну ночь, с которой все пошло не туда. Хотя, возможно, так оно и было.

Я растеряна и не знаю, как начать разговор. Первый порыв – начать с «Я просто звоню тебе на тот случай, если со мной случится что-то плохое», но, думаю, это прозвучит безумно, так что я говорю:

– Просто звоню узнать, как дела, как жизнь.

– А-а-а, ага, отлично, Лос-Анджелес, все дела. Дом хороший.

– Здорово.

– А у тебя как дела?

– Я нашла работу.

– Работу? Кто же тебя взял?

Вот спасибо.

– Работа на гостевом ранчо, с лошадьми и уборкой.

– Я тебя почти не слышу. Ты шепчешь, что ли?

– Работа, говорю, с лошадьми.

– О. Не знал, что ты едешь верхом.

Он совсем меня не знал.

– Место находится недалеко от *Хеппи-Кэмп*, в *Северной Каролине*. Называется «*Ранчо Фаунтен-Крик*». – Я хочу, чтобы он запомнил названия, но не хочу, чтобы понял это. – Пока не видела ни фонтана, ни ручья²³.

– Ха-ха, а смешно.

Он резок и груб – настоящий лосанджелесец. И мне кажется, что все время, что мы были вместе, я просто играла какую-то роль. Играла так самоотверженно, что теперь не осталось ничего. Я теперь оболочка женщины, которая работает с лошадьми и моет окна, словно психически нездоровый человек между нервными обострениями. И, наверное, мне стоит рассказать бывшему мужу, что я приехала ради тебя, в поисках тебя, что я не сошла с ума и у меня не сдали нервы – я героиня историй без героя. Я защитница всех забытых людей. Я на передовой в некоем роде.

Вместо этого я говорю:

– Ага, такой вот нежданчик.

Это было его любимое слово, но не думаю, что люди еще используют его.

---

²³ *Фаунтен-Крик* – игра слов от *англ. fountain* – фонтан и *creek* – ручей.

Он фыркает.

– Прости. Просто это так странно. Насколько я помню, ты даже не могла приготовить себе ужин, а теперь вдруг поехала по побережью на север и нашла работу на ранчо? Без обид, но все это смахивает на один из тех чокнутых подкастов, от которых у тебя крышу сносит. Ну типа, я вот думаю, не похитили ли тебя или ты рехнулась вкрай и сбежала?

– Это и есть один из тех подкастов.

– Эм. О'кей.

Я говорю вполголоса, торопливо. Звук квадроцикла твоей матери не слышно, поэтому я думаю (или даже знаю), что вокруг никого нет, но не чувствую этого. Из-за какой-то особенности рельефа местности все здесь ощущается рядом, каждый звук отдается эхом, каждый блик света преломляется. Я пытаюсь сдерживаться, но не могу и в нервном экстазе выплескиваю все:

– Я черт знает где. Городок когда-то назывался Отмель Убийств, и он... Телефон здесь не ловит в радиусе двух с половиной часов. Полиции тоже нет. Доехать сюда можно только по извилистому серпантину, который вьется по горному склону вдоль реки, большой реки, реки Кламат, а она бежит так быстро, что тела выбрасывает на берег только после того, как их вынесет в океан.

Длинная пауза.

– Какого хера, Сера?

– Здесь потрясающе. Реально, я никогда не видела ничего

подобного.

– Звучит опасно. – Пауза. – Особенно для тебя.

Тон его голоса изменился, стал мягче, и теперь я вспоминаю, почему мы не были просто сексом на одну ночь, который зашел слишком далеко.

Он не любит меня (не хочет любить меня), но я ему не безразлична, поэтому я говорю:

– Это работа. У меня есть работа. Это ведь хорошо.

Я не спрашиваю его, есть ли у меня выбор. Не говорю ему, что, прозанимавшись здесь твоими поисками всего ничего, я уже чувствую себя более живой, более нужной, чем когда бы то ни было с ним. Когда я теряла себя. Я вообще не говорю ему о тебе. Мне понятно, что это будет уже слишком. Ведь вполне возможно, что я добровольно иду на место преступления, и набор УПК может быть очень кстати.

– Знаешь, когда люди говорят, что изменят свою жизнь, это не значит, что все изменится в одночасье.

Мне хочется сказать ему, что он не понимает. Что это мое предназначение. Ты бы поняла, но он не сможет. Теперь мне понятно, что весь прошлый год, все то время, когда я не могла выйти из дому и проводила время, лежа в кровати и слушая тебя, – все это было лишь подготовкой. Ты подготавливала меня, и все то время, когда я думала, что пропала, оказалось очень важным, не прошло впустую. Потому что теперь я здесь, и все складывается одно к одному идеально, как во сне; как в тех снах, которые снились мне, когда я засыпа-

ла под твой подкаст. Это «Убийство, Пропажа, Сговор», а я – героиня. Я иду по следу, и я найду тебя. Я докажу своему бывшему и всем остальным, что я не пустое место, что все то время, когда я казалась никем, было лишь подготовкой к Этому.

Я сдерживаю те эмоции, которые переполняют меня, и ничего не говорю ему. Пока я ему ничего не скажу. Он недостаточно мне доверяет. Он решит, что я сошла с ума, что стала сбрендившей старухой, которая взвалила на себя непосильную ношу, так что я беру себя в руки и сосредотачиваюсь на деталях:

– Я ездила на лошади сегодня. А теперь мою окна. Я делаю хоть *что-то*, и это хорошо.

Пауза затягивается и порождает другие. Я вижу их все, выстроившиеся в ряд. Он вздыхает:

– Что ж. Ты могла бы помыть наши окна.

Не знаю почему, но меня это задевает. Я выбрала себе эгоиста, полюбила его и попросила не быть эгоистом. Даже сейчас я хочу, чтобы он помог мне, чтобы думал обо мне, чтобы понял, каково это – быть женщиной в мире мужчин.

– Я перезвоню через неделю, – говорю я. – А если нет...

Я хочу намекнуть, что это будет значить, что что-то случилось. И в таком случае ему стоит позвонить в полицию. Но это выглядит как манипуляция. Будто я нарочно держу себя в заложницах, чтобы заставить его беспокоиться. Я понимаю, что позвонила не тому человеку. Так что я просто

говорю:

– Я на ранчо в *Фаунтен-Крик*, недалеко от *Хенни-Кэмп*. И надеюсь, что он запомнит это. Если я исчезну.

Мои родители не отличаются особой требовательностью – они никуда особо не звонят. Они вообще из той категории людей, с которыми ничего и никогда не происходит. Мир может пылать, бомбы могут взрываться, и даже если появятся четыре всадника Апокалипсиса – мои родители ничуть этим не обеспокоятся. Мой отец будет продолжать смотреть традиционный семейный кабельный телеканал «Холлмарк», а мама не сможет оторваться от еженедельного судебного реалити-шоу «Дэйтлайн». Я заканчиваю разговор с ними и кладу трубку, в который раз задаваясь вопросом: что за глубокая внутренняя червоточина делает людей настолько скучными и посредственными?

Не испытывая желания возвращаться к себе, я какое-то время исследую домик, из которого звонила, но не рискую продолжать поиски среди бела дня. Быть может, будет лучше, если я подожду до захода солнца. Нас окружают горы, поэтому темнеть здесь начнет рано. Еще каких-то двадцать минут – и я пойду на поиски твоего дома в кромешной темноте.

В лобби висит книжная полка, и я ищу на ней что-нибудь почитать: там стоят книги по верховой езде, много книг о рыбалке и топографии, а еще четыре копии «Милостивой

государыни». Взяв одну из копий, я кладу ее в свою коробку с едой и выхожу.

Перед тем как идти к себе, я обхожу домик вокруг. Нахожу старую сувенирную лавку; вдоль ее стен висят футболки и пайты с эмблемой Фаунтен-Крик, все засиженные мухами. Поодаль виднеется небольшая теплица, светящаяся мертвенным светом.

Оставив свою коробку на крыльце домика, я направляюсь к теплице. Открываю дверь, и меня обдает воздухом настолько горячим, что он обжигает глаза. Когда за моей спиной захлопывается дверь, я понимаю, что это не воздух. Это запах, доносящийся с полок. Они под завязку забиты бутылками толстого стекла, в которых разлито странное зелье. Бутылки расставлены аккуратно. На них нет этикеток, а в некоторых из них просвечивают листья папоротника и какие-то цветы. В одной из бутылок я замечаю рыбью кость. У меня начинает щипать глаза и щекотать в носу. Во рту появляется привкус земли.

Я хватаюсь за дверную ручку, но дверь заедает и издает странный всасывающий звук, будто она герметически запечатана. Сердцу становится тесно в груди, плечи напрягаются. Я упираюсь пятками и изо всех сил дергаю. Стеклопанель двери распаивается, а я отлетаю и натываюсь на полку, которая отзывается стройным звоном бутылок.

Выскочив на улицу, я пытаюсь унять дрожь. Беру свою коробку. Но во рту у меня все еще стоит привкус земли. Глаза

мои все еще слезятся.

Я иду обратно к своему домику и пытаюсь проморгать-ся в целительной темноте. Найдя внутри старый, практически лысый веник, я пытаюсь прибраться у себя в комнате, но только поднимаю пыль и раскидываю крысиный помет из-под мебели, из-за чего глаза снова воспаляются.

Я решаю ограничиться уборкой небольшого участка вокруг кровати. Затем иду к стенному шкафу и с верхней полки достаю еще одно одеяло. Оно соскальзывает на пол, и из складок выпадает книжка. Тоненькая книжечка в кремовой обложке. Я вздрагиваю от неожиданности. Нервы мои на пределе.

Я поднимаю книгу и одеяло с пола и приношу их в расчищенный круг у кровати. Обложка книги хрустит, когда я открываю ее. Внутри на обложке нацарапано имя «Лиззи» и год «2007». Удивившись, что этот дневник до сих пор сохранился, я погружаюсь в чтение.

Первые несколько абзацев наверняка написаны рукой Лиззи – одинаковыми романтичными каракулями. Сначала речь идет о красоте ранчо, об ощущении свободы, об уединенности. А потом начинается новый абзац.

Это место полно чертовщины. Эта женщина – ведьма.

А потом – подробности домашней жизни Лиззи, описание ее ссоры с отчимом, пересказ звонка от бывшего. Через три страницы Лиззи пропадает, и другая рука, на этот раз ано-

нимная, подхватывает, словно ведя беседу с Лиззи:

*У меня никогда раньше не было столь сильного ощущения, что за мной постоянно следят. Стоит мне обсудить что-нибудь со своей семьей, как на следующий день **она** заговорит о том же. С остальными девушками та же история. Либо **она** чертов экстрасенс, либо шпионит за всеми.*

Эта девушка ведет записи четыре страницы – а затем ее сменяет новенькая.

Сегодня она накричала на гостя. У нее совсем нет понятия о личных границах.

Она больная и одержимая.

Она постоянно указывает, что нам делать.

Блокнот превращается в книгу жалоб на твою мать, где перечисляются все ее нечестивые поступки. Никаких имен, кроме Лиззи, нет, впрочем, как и дат. Описания выходят далеко за пределы обычных отношений «начальник-подчиненный». Пишущие жалуются на график работы, на нехватку перерывов, на изоляцию, на тяжелый труд, на то, сколько раз в день люди плачут из-за нее, и на ощущение, что она постоянно наблюдает. Это ощущение, похоже, разделяли все.

Она настоящая надзирательница.

Она сука.

Она ИСЧАДИЕ АДА.

Я читаю все до последнего слова. Закрыв наконец блокнот, я вспоминаю, как твоя мать говорила мне, что мысли

здесь могут быть заразны. Я, например, уже начинаю думать, что мне твоя мать не нравится.

Я засовываю блокнот под матрас, сажусь на край кровати и, не отводя глаз, смотрю в окно, на солнце, опускающееся на горы. Где-то ржет лошадь.

Когда достаточно темнеет, я поднимаюсь. Я точно знаю, куда мне нужно. У тебя я научилась разгадывать тайны и поэтому точно знаю, куда идти. Туда, куда твоя мать мне идти запретила.

Я выхожу на ту же тропинку, опоясывающую ранчо, где утром нашла кота. Его тело убрали, оставив след, как от выжженной земли. Я обхожу это место. Тропа резкими изгибами спускается вниз по склону, врезаясь глубоко в гору.

Внизу гряды тропу преграждают сложенные в аккуратные штабеля бревна. Я на секунду замедляю шаг, но затем перелезаю через них по крутому склону, стараясь не угодить в ядовитый плющ. Я расчесываю до крови ладони, под ногтями собирается грязь, и я оказываюсь по другую сторону внезапной преграды. Быстрым шагом я иду вдоль ручья, который шумит не так сильно, как река Кламат, но более громко, пузырясь и сердито разбиваясь о камни. В долине растут доисторические папоротники, их зеленые силуэты чернеют в темноте. Тропа упирается в широкий пожарный проезд, ведущий в горы. Я оглядываюсь по сторонам, прежде чем ступить на эту дорогу, а затем замираю в изумлении.

Вдалеке, у съезда с дороги, как круглые белые шары горят автомобильные фары. Я провожаю их взглядом, пока машина задним ходом выезжает на основную трассу, удаляясь от меня все дальше и дальше. Мое сердце колотится в груди. Похоже, машина стояла там в ожидании меня. Я слышу, как двигатель взревел, как будто кто-то резко дал по газам. На мгновение мне кажется, что этот звук оглушил меня, а затем он пропадает так внезапно, будто машина растворилась в воздухе. Я моргаю. Машина, должно быть, повернула, и звук просто исчез за поворотом, но это было похоже на магию. На тайну, которую предстоит раскрыть.

За рулем мог быть кто угодно, напоминаю я себе. Кто-то мог остановиться в долгой дороге или в поисках укромного места. *Не все дороги ведут к тебе*, но, посмотрев вперед, я думаю: *но эта – однозначно*.

Я ускоряю шаг, спотыкаясь на неровной земле. И останавливаюсь, когда вижу, что на земле лежит резинка для волос, по своим очертаниям напоминающая раскрытый в крике рот. Я поднимаю ее и представляю, как было бы здорово, если бы я могла отдать ее на экспертизу и найти следы твоей ДНК. Но оставшиеся на резинке волосы длинные и светлые, сверкающие в лунном свете, так что я понимаю: резинка – не твоя.

Я иду вдоль ручья, в честь которого, видимо, ранчо и называли «Фаунтен-Крик». Дорога делает поворот. От волнения мое сердце начинает биться медленнее. В темноте я вижу *его*.

Он возвышается над землей, и во мраке цвет его кажется зеленоватым, но я все равно вижу его желтым. Это твой желтый дом. Такой, каким я и надеялась его найти.

Как дети в сказках, я не медлю ни секунды, а со всех ног бегу к дому, взбегаю на крыльцо и стучу в дверь. И жду. В доме темно. Свет не горит нигде.

«Эй, есть кто живой?» Я боюсь звать тебя по имени, боюсь, что кто-нибудь другой меня услышит. «Откройте!» Я барабаню в дверь. Не дождавшись ответа, я пробую открыть дверь. «*Мы тут не запираемся*», вспоминаю я слова твоей матери. «*Нет смысла*». Твоя дверь заперта.

Я стою под навесом и страдальчески смотрю вверх. Я делаю несколько шагов в сторону, чтобы заглянуть в окно. Мое сердце готово выскочить из груди: я понимаю, что вполне могу увидеть там твое тело. Мысленно готовлюсь увидеть твой скелет: холодную гладкую кость голени, кость бедра. Готовлюсь найти твой череп, который ждет с приоткрытым ртом, чтобы рассказать мне твою историю, и история эта «Убийство, Пропажа, Сговор».

А затем я слышу ее дыхание у себя за спиной. Она шла по моим следам. Я резко поворачиваюсь и вижу, как твоя мать злобно глядит на меня из темноты.

Эпизод № 17: Ее преследуют

Все началось с ощущения, что за ней следят. Потом стали приходиться записки – коротенькие письма в почтовом ящике. Поначалу они были довольно безобидными. «По-моему, ты красивая» или «Ты сегодня хорошо выглядела». Но со временем их содержание изменилось: «Ты высокомерная грязная сука. Я отрежу тебе твои бидоны».

Мы молча идем по тропе. Я думаю об отрывке из записной книжки: *«Либо она чертов экстрасенс, либо шпионит за всеми»*. Когда твоя мать видит, что, подойдя к своему домику, я в нерешительности останавливаюсь, она говорит: «Мне нужно кое-что тебе рассказать», и я следую за ней через ранчо к главному дому.

Внутри шикарная обстановка – здесь нет современных или модных излишеств, это просто дом явно очень богатого человека. Роскошь подчеркивают рояль и статуя Христа из слоновой кости со сверкающими дырами в руках, дорогой паркет, отдельная прихожая для верхней одежды и обуви, гостиная и столовая для торжеств. Я иду за твоей матерью на кухню.

– Хочешь чашечку чая? По моему особому рецепту.

Моя грудь сжимается при воспоминании о бутылках в теплице, но я напоминаю себе, что у меня нет никаких дока-

зательств, что она убийца. Да, она ведет себя жестко и грубовато, но убивать меня, скорее всего, не собирается. Хотя могла бы. Ей ничего не стоит меня убить, я ведь здесь совсем одна. Как быстро меня нашли бы? А что, если не нашли бы вообще?

– Я сегодня разговаривала с родителями, – говорю я на всякий случай. – Рассказала им об этом месте. Они рады за меня. Как и мой друг. – Я каждый раз теряюсь и не знаю, как называть своего бывшего мужа. «Бывший муж» звучит слишком претенциозно.

Она ставит чайник, наполняет два чайных ситечка своей заваркой. Она не торопится с чаем, а я смотрю на нее, напоминая себе, что нужно дышать.

Закончив, она приносит чай (жидкость пурпурного цвета) в белоснежных чашках с блюдцами, ставит одну передо мной, а сама садится напротив.

– Я ведь говорила тебе, – постукивая ногтями по чашке, произносит она, – не ходить туда.

На самом деле она сказала мне, что там вообще нет тропинки.

– Я нечаянно. Я заблудилась. Вы были правы, здесь легко потеряться.

Я вру, и она это знает, не может не знать. Сейчас все может пойти прахом. Из-за этой ошибки я могу остаться ни с чем, потерять тебя, свою работу, свое место здесь и шаткое понимание твоего мира. И все по собственной неосторожно-

сти. Меня переполняет чувство вины. Я подвела тебя.

Твоя мать откидывается назад и шумно выдыхает.

– Я не хотела тебе этого говорить. – Она наклоняется вперед. Под подбородком у нее вьется легкий пар. – Моя дочь... – при этих словах все поплыло у меня перед глазами. деревянные стулья, стол, документы, сложенные на столе в углу, огни над нашими головами, – была убита.

– Убита? – Я не могу в это поверить, несмотря на то что твоя мать только что произнесла это вслух. – Как? Кем?

– Бандой, – она медленно кивает, успокаивая себя, – у ручья. У того самого ручья.

– Но что вы имеете в виду под «банда»?

– Они изводили ее годами.

Ты никогда об этом не упоминала.

– Кто?

– У них был большой черный грузовик. Они одевались во все черное, носили балаклавы, – это слово показалось мне необычным, – и белые хирургические перчатки. – Кажется, будто она специально пытается помешать мне выпытать подробности. Она молчит так долго, что я думаю, что история окончена, как вдруг: – Моя дочь была прекрасной хозяйкой. Она отлично ладила с гостями, все гости ее любили. Она была самым добрым человеком. Она была моей лучшей работницей. – Она вытирает глаза, но я не вижу слез. Она не выглядит грустной, но лицо ее излучает ужас, буквально пронизано им. – Она не хотела поднимать шум, даже когда они... –

она задыхается и через силу закусывает кулак, – они угрожали ей. Они преследовали ее и изводили до тех пор, пока не довели до панического страха.

Я в шоке. Я не могу поверить, что это произошло. Не могу поверить, что ты ничего мне не сказала. Все то время, что ты пыталась спасти других людей, спасти нужно было тебя. Как ты могла мне не сказать? Как ты могла держать это при себе?

– А полиция что?

– Полиция? – Ее глаза резко темнеют. – Ничего.

– Ничего?

– Она не смогла их описать, потому что их лица и руки были закрыты. – Это и удобно и невероятно одновременно. – Полиция сказала, что они ничего не могут сделать.

– Как они могли не сделать ничего? – Да, все мы знаем об ошибках полиции, о сокрытиях и сговорах, но чтобы не делать *вообще ничего*?

– Они сказали ей, чтобы она смирилась с этим, – выплевывает твоя мать в ответ. – Вот какая здесь полиция. Им все равно. Им нет до нас дела.

Она крепче сжимает чашку в руке.

– Это произошло. Но моя дочь сильная. Она не собиралась позволять им выгнать ее с родной земли, из своего дома, поэтому она осталась. Она отказалась носить оружие, хотя мы с Эмметтом умоляли ее. Она была такой храброй. Но они возвращались снова и снова. Они нападали на нее у ручья. Они следили за ней, когда она куда-то ездила. Прижимали

ее к обочине. Она пыталась быть сильной, но их нападки не прекращались.

– Но кто они такие? – перебиваю я в замешательстве. Ощущение такое, будто твоя мать взяла твой рассказ и вернула его наизнанку, чего я совсем не ожидала. Или, возможно, не хотела ожидать. Безликая банда? Это как-то слишком. Как-то очень уж ненатурально. Ты говорила мне, что есть цепочка: сначала муж, потом семья, потом любовник. Это главные подозреваемые. А не безликие банды в глуши, не незнакомцы без мотива. – Я не понимаю. Она должна была их знать. С чего бы им нападать именно на нее?

– Я же сказала: мы им не нравимся. Люди в городе не хотят, чтобы мы здесь жили. Никогда не хотели.

– Но почему? Почему именно она? Кто эти люди?

Она качает головой:

– Мы не знаем.

Я сжимаю ноющие руки в кулаки.

– Но это ведь маленький город. Что насчет грузовика? Она должна была узнать его. – Мне трудно поверить, что ты не заметила бы деталей, что тебя бы терроризировали и запугивали, а ты бы не знала кто. Ты – большая специалистка по преступлениям. Ты бы вывела их на чистую воду.

– Она не знала, – шипит твоя мать. Мои вопросы ее раздражают. А я не хочу обвинять жертву, мне просто нужны ответы. Просто нужно понять, как все это могло произойти, а ты мне никогда и словом об этом не обмолвилась.

– Что было дальше? – Я хватаю свою чашку, и ее тепло обжигает мне ладони.

– Они убили ее.

Меня как обухом по голове ударили. Как будто облили ледяной водой. Будто окунули в реку КлаMAT.

– Тело нашли? – Мой вопрос звучит настолько бесстрастно, что встряхивает нас обоих. Но этот вопрос из тех, которые нужно задать.

Твоя мать держит удар и берет себя в руки, прежде чем сказать:

– Мне не нужно видеть тело, чтобы знать, что моя дочь мертва.

Какое облегчение! Тела нет. А если нет тела, то нет и преступления. Пока нет. Есть шанс, что ты еще жива.

– Вы... вы искали ее тело?

– Где? – спрашивает она, будто за этим домом, за пределами ранчо, ничего нет. У нее нет доверия ко всему, что находится вне ее земли. Здесь мы живы. Но кроме нас, ничего живого нет.

– Везде. Где угодно. Вы должны искать. Каждый должен. Если вы действительно верите, что ее убили, к делу должна быть привлечена полиция.

– Они мне не верят. – Она скрещивает руки, поднимает подбородок и качает головой. – Но мать сердцем чувствует, если с ребенком что-то случилось. Мать знает своего ребенка так, как Бог знает всех нас. – От того, как она говорит

«Бог», у меня мурашки по коже. – Здесь небезопасно. – Ее глаза тускнеют, а подбородок опускается. – Вот почему никогда не следует спускаться к ручью одной. Вот почему тебе не следует делать покупки в местных магазинах или ездить в город. Они могут быть где угодно. – Чутье подсказывает мне, что «они» – это идея, которую она придумала, чтобы контролировать *меня*. Способ удержать меня здесь, в пределах ранчо. Так она поступила с тобой, заставив тебя думать, что ты никогда не сможешь уехать. Она знает, что мысли здесь заразны, и хочет, чтобы я подхватила этот вирус. – На ранчо ты в безопасности, а за его пределами – нет. Ты меня понимаешь?

Я киваю:

– Мне так жаль... Поверить в это не могу. – Она откидывается на спинку стула, и я подвигаюсь ближе. Я обнимаю ее в знак поддержки. – Бедняжка, – говорю я. Ее тело остается неподвижным, пока я прижимаю ее к себе. Мне очень жаль, что это случилось с тобой.

Я не верю, что ты мертва. Я не могу в это поверить. Мне нужно покинуть ранчо. Мне нужно поговорить с теми людьми, от общения с которыми она меня активно отговаривает. Мне нужно узнать, что случилось, и как можно быстрее. Я не верю, что ты мертва. Но я верю, что тебе грозит опасность.

Я лежу в постели и слушаю эпизод № 37: «У вашего луч-

шего друга должен всегда быть при себе список имен, список людей, которых следует допросить, если с вами что-нибудь случится». И я думаю, кто твой лучший друг? У кого этот список? Здесь никого нет. Я не доверяю твоей матери и не думаю, что ты выбрала бы ее на эту роль. Есть еще твой отец, но я чувствую, что ты скорее всего обратилась бы не к члену своей семьи. Ты никогда не упоминала Джеда. Никогда не упоминала никого, кроме своих ближайших родственников, и, видимо, поэтому я всегда думала, что ты такая же, как я, – одинокая.

Мне нужно найти твоего лучшего друга и твой список. Мне нужно съездить в Хеппи-Кэмп, поговорить с полицией, опросить местных жителей. И мне нужно попасть в твой желтый домик. Я не верю тому, что сказала твоя мать. Ты учила меня никому не доверять. Истории здесь заразны, и я не могу позволить себе заразиться ничем, кроме правды.

Я засыпаю, слушая тебя. Во сне я бегу по лесу. Деревья, словно в калейдоскопе, словно в движущемся лабиринте, кружатся передо мной, вырастая как из-под земли. А потом я вижу впереди свою улицу, улицу, на которой я выросла, узкую, пешеходную – и бегу быстрее. Я бегу домой. И когда я уже близко, очень близко, на подъездной дорожке, а потом и на пороге, тянусь к дверной ручке, я становлюсь невесомой. Мои ноги отрываются от земли, словно я теряю точку опоры, и я поднимаюсь все выше и выше, к самому небу. И я парю там, среди миллиардов звезд.

Потом я чувствую, что ты сзади меня. Твои пальцы скользят по сгибу моего локтя. Я мешкаю, а затем кладу свою руку на твою. Ты наклоняешься вперед, твой подбородок оказывается над моим плечом, и ты шепчешь мне на ухо: «Хватай этого мужчину или любого другого, который под руку попадется».

Я никогда раньше не видела подобных снов. Он такой реальный. Мне кажется, что мы вместе перешли в другую реальность, в другой мир. И в тот же миг я понимаю, что это моя рука – я трогаю свою руку, веря, что она твоя. И ты исчезаешь.

Я с трудом прокладываю себе путь к пробуждению, через глубины сна, через неподвижность, в тот мир, где я просыпаюсь, сажусь в постели и понимаю, что все еще сплю, затем снова погружаюсь в сон, снова пытаюсь проснуться, пока наконец не просыпаюсь и не начинаю судорожно искать телефон, чтобы записать твои слова, пока я их не забыла, только чтобы опять обнаружить, что я все еще сплю.

Проснувшись на следующее утро, я первым делом думаю о твоих словах. И в холодном свете дня становится ясно, что это такой же бред, как и любой другой совет из снов. Сновидения обладают особенностью сочетать сильнейшие эмоции с полной ерундой. Что ты пытаешься мне сказать? Что тебя убил мужчина? Или советуешь мне выйти замуж? Или переспать с первым встречным? В здешней глуши это может

быть затруднительно.

Однако, несмотря на то что твои слова – ерунда, я все равно хочу их записать, но я забыла зарядить телефон. Я вспоминаю о дневнике и просовываю руку под матрас. За грудной у меня давит, как будто я проглотила что-то слишком большое.

Я встаю с постели. Поднимаю матрас. Мои колени дрожат, а голова кружится. Блокнота нет. Я проверяю на полу. Провожу рукой под низом матраса. Должно быть, я переложила его, а потом забыла, должно быть, взяла его в полусне и перепрятала. Но куда? Зачем?

А потом я думаю о том, что было написано о твоей матери в дневнике: она всегда наблюдает. Быть может, она заходила ко мне в домик до того, как нашла меня; быть может, так она и узнала, что меня нет на месте. Быть может, она обнаружила блокнот. Конечно, она захотела бы от него избавиться.

Но это все равно меня беспокоит. Почему она была в моей комнате? Почему она вообще рыскала под моим матрасом? С другой стороны, это ведь не моя комната, не мой матрас. Все на этом ранчо принадлежит ей. Я работаю на нее. Даже я в каком-то смысле принадлежу ей.

Мне кажется, что у меня перехватило дыхание и мне нужно чье-то разрешение, чтобы дышать. *«У меня никогда раньше не было столь сильного ощущения, что за мной постоянно следят».*

Что я вообще здесь делаю? Твоя мать думает, что ты мерт-

ва. И вокруг нет никого, кто стал бы ей перечить. Мне нужно уезжать, нужно попытаться собрать воедино кусочки собственной жизни. Раньше я именно так и поступила бы. Вернулась бы назад. Начала бы с чистого листа. И в итоге оказалась бы там же.

Но ты бы не уехала. Ты бы не сдалась. Ты бы знала, что случившееся – это только начало. Только первая улика. Ты бы не позволила единственному свидетелю выдавать свою версию за единственно верную. Ты бы продолжила искать, складывать все кусочки пазла воедино, пока не получила бы цельную картину истины.

Неожиданный шум двигателя заставляет меня вздрогнуть. Грузовики проезжают по шоссе чаще, чем я ожидала, и, поскольку других звуков нет, я слышу каждый с поразительной ясностью, но этот, кажется, с грохотом несется прямо на мою спальню. Я вскакиваю с постели и выхожу на улицу. Поля для выпаса лошадей в полумраке покрыты росой; на сарае все еще лежат глубокие тени.

К дому твоей матери подъехал черный внедорожник. Вокруг него с лаем бегают собаки. Изнутри вылезает черноволосый человек, который двигается дерганой походкой, словно идет по горячим углям. Он открывает багажник и начинает выгружать ящики. Твоя мать появляется в дверях дома, спешит ему навстречу. Не здороваясь с ним, она идет прямо к ящикам. Их голоса звенят в воздухе. Видимо, это и есть твой отец.

Я знакомлюсь с ним не сразу. Твоя мать хочет, чтобы я закончила кормить лошадей, поэтому сначала я иду в конюшню.

Без нее эта работа тяжелее. Мне нужно погрузить два снопа люцерны в трактор, но у меня не получается их впихнуть. Я пытаюсь затолкать их силой. Пробую засунуть их под разными углами, но, что бы я ни делала, стебли ненадежно балансируют, а если я еще и заведу трактор, то вообще падают. Рукам в утреннем режущем воздухе холодно, хоть я и в перчатках. Стебельки сыплются мне в куртку, за пазуху и в ботинки и больно колются. От пыли я начинаю чихать.

В конце концов я довольствуюсь тем, что у меня получилось, и забираюсь на водительское место. Со второй попытки мне удастся завести двигатель, мотор оживает, ревет, чихает и тарыхтит. Я нажимаю педаль заднего хода, но трактор не двигается. Я давлю сильнее. Двигатель снова тарыхтит, и я понимаю, что не снялась с ручника. Снявшись, я сдаю назад и останавливаюсь. Снопы качаются, но не падают. Я выравниваю скорость и нажимаю педаль газа. Шесть стеблей падает на землю. Я проезжаю по ним.

Я вот-вот расплачусь. Я знаю, что это глупо, но чувствую себя полной дурой. Я не лучшая работница; я не умею справляться с давлением и из-за этого на одной работе продержалась две недели, а на другой – шесть. У меня никогда раньше не было столь сильного ощущения, что за мной постоянно следят, несмотря на то что твои родители сейчас находятся

внутри своего дома. Я уверена, что меня уволят. Что я потеряю свое место на ранчо и связь с тобой. Я никогда тебя не найду. Я, как всегда, проиграю. И мы с тобой обе исчезнем.

Я сдаюсь и не складываю снопы на погрузчик, а несую охапку люцерны в руках на первое пастбище. Я бросаю их слишком близко друг к другу, и лошади дерутся, вставая на дыбы, щелкая зубами, и срывают кожу друг у друга с холки, оставляя яркие пятна розового цвета. В панике, что увидит твоя мать, я пролезаю под забором, чтобы разделить стебли. Альфа-жеребец (гнедой арабский скакун) бросается на меня, раздувая ноздри. Я машу руками в воздухе, чтобы напугать его, но он вскидывает голову и ускоряет бег. Я ныряю обратно под забор. Конь останавливается с другой стороны от него, а затем снова встает на дыбы.

Я прислоняюсь к трактору, сердце колотится, в ушах стучит, адреналин пульсирует в крови. У меня кружится голова, как будто я еду по крутому извилистому шоссе.

Эти лошади не похожи на тех ручных, одомашненных лошадок, с которыми я выросла. Здесь они подчиняются стадному инстинкту, которому могут дать волю, бегая и нападая друг на друга. А у меня ничего не получится. Не знаю, почему я верила в обратное. Ведь я никогда не работала на конюшне и вообще боюсь лошадей, вдруг вспоминаю я. Поэтому-то я и перестала ездить верхом. Однажды я проснулась в страхе оттого, что могу умереть, и после этого каждый раз, садясь на лошадь, я испытывала тревожность во всей ее кра-

се, перед глазами у меня проносились виды ужасных происшествий. Я представляла себе, как вылетаю вперед из седла, перелетаю через голову лошади, приземляюсь на плечо и – хрясь – ломаю ключицу. Или как соскальзываю, а нога остается зажатой в стремях, и меня затаскивает под мощные копыта лошади, и она топчет и давит меня. Или как лошадь встает на дыбы и падает набок вместе со мной, падает на меня – и мои ноги хрустят у нее под копытами, пока не превращаются в порошок.

Я заставляю себя смотреть прямо, чтобы выровнять дыхание. Но вдруг я вздрагиваю от пронзительного ржания – и вижу Белль Стар. Она гарцует, прихрамывая. От каждого шага ее плечо уходит вниз, а затем неестественно выпрямляется. Из носа у нее течет кровь.

Эпизод № 21: Что-то не так

Мы все знаем, когда-то что-то серьезно, по-настоящему неладно. Мы чувствуем это кожей. Иногда мы виним в этом чувстве внешние обстоятельства: работу, жизнь, самих себя. Но правда заключается в том, что зло всегда рядом, готовое нас отравить...

Я неуклюже слезаю с трактора и в панике тороплюсь к дому. Я бегу, как в том сне, разгоняясь так, что мне тяжело дышать, оттого ли, что кислорода слишком много, или, наоборот, оттого, что мне не хватает воздуха. Я не могу отдышаться, и сердечные мышцы сжимаются в кулак. Пробегая мимо летнего домика, я слышу заунывно-пронзительную трель стационарного телефона, но это только заставляет меня бежать быстрее. Я бегу к дому твоей матери. Стучу в заднюю дверь в таком напряжении, что меня трясет.

– Заходи, – звучит голос твоей матери. Я открываю дверь в прихожую. Из нее видно, что твои родители сидят за кухонным столом и завтракают.

Я пытаюсь отдышаться.

Твой отец добродушно моргает. Его глаза кажутся карими и синими одновременно, будто он носит цветные контактные линзы. Он неожиданно маленький, женоподобный. У него такие же матово-каштановые волосы, как у твоей матери, словно они красятся одной краской. Он отодвигается

от стола, кладет руки на колени:

– Приятно познакомиться, Сера. Эдди как раз рассказывала о тебе.

– Мне нужно вам... одна из лошадей ранена.

Твоя мать грозно сдвигает брови:

– Которая из лошадей?

– Одна из тех, что пасутся на пастбище у сарая. – Что-то мешает мне сказать ей, что это Белль Стар. Я знаю, что та ей не нравится.

– Как именно ранена? – Твой отец засовывает палец в рот и начинает ковыряться в зубах.

– Она истекает кровью. У нее идет кровь из носа. И она хромот.

– Которая из лошадей? – повторяет твоя мать.

– Ой-ой, – шутливо говорит твой отец. – Похоже, мне пора идти за дробовиком.

Он усмехается, будто я нахожу это смешным.

Теперь я понимаю, что мне не следовало первым делом идти к ним. Я должна была сама увести Белль с пастбища. Но в тот момент я запаниковала. Это ведь их ранчо; мне показалось, нужно сначала получить их разрешение.

– Нам нужно забрать ее с пастбища. Я думаю, что другие лошади обижают ее.

Твоя мать пристально смотрит на меня. Она поняла, что речь о Белль Стар.

– Можешь перевести ее в круглый загон.

– Не стоит ли вызвать ветеринара?

Их глаза встречаются над столом; потом твой отец говорит:

– Лучше мне сначала взглянуть на нее.

А твоя мама добавляет:

– А тебе бы пойти и продолжить кормить лошадей.

Я молча киваю и выхожу, закрыв за собой дверь. Пока я иду обратно, мои руки и ноги кажутся тяжелыми. Я нервничаю перед выходом на пастбище, боюсь, что альфа-кони снова нападут на меня, но Белль Стар, спотыкаясь, подходит прямо к калитке, навстречу мне, словно она понимает, что я здесь, чтобы спасти ее. Я медленно веду ее к круглому загону, и она хромает рядом со мной, кровь продолжает идти у нее из носа.

Я вспоминаю о твоей банде и провожу рукой по морде Белль Стар, пытаюсь нащупать, не ударили ли ее, нет ли перелома.

В сарае я нахожу фонарик. Наклонив его, я пытаюсь заглянуть ей в ноздрю, но не могу понять, что вызывает кровотечение. «Инсульт! – думаю я. – Кровоизлияние в мозг! Удар тупым предметом!» Я даже погуглить ничего не могу, потому что у меня нет Wi-Fi.

Я вспоминаю выражение лица твоей матери, ее повторяющиеся вопросы, будто она догадывалась, что речь идет о Белль Стар, или подозревала, что именно с ней что-то случилось. Вспоминаю мертвого кота. Болезненных, хрипящих

собак. Я пытаюсь убедить себя, что на ферме это в порядке вещей. Это «дикая природа», а я просто слишком чувствительная. Но та часть моего мозга, которая включается вместе с твоим подкастом, подсказывает: *«Серийные убийцы тоже убивают животных»*. Я приношу люцерну для Белль Стар. В круглом загоне нет воды, поэтому я вытаскиваю из-за сарая поилку и наполняю ее из шланга из соседней гостевой хижины. Как только Белль начинает мирно жевать, я ухожу кормить остальных лошадей.

Когда через какое-то время я возвращаюсь, твой отец сидит в круглом загоне рядом с ней и пытается осмотреть ее морду, а она шарахается в испуге и закидывает голову.

Он делает новую попытку подойти к ней. Она артачится и убегает, спотыкаясь, на другую сторону пастбища. Он по-мальчишески улыбается мне:

– Похоже, пора отправить эту лошадку на большое-большое пастбище на небе. – Он указывает двумя пальцами на ее лоб, а она отходит в сторону.

– Мне это не кажется смешным, – ледяным голосом отвечаю я.

– Нет, – говорит он, пристыженный, но не перестающий улыбаться. Он хлопает в ладоши. – Поверьте, это царапина, миледи! Всего лишь царапина!

– Может, мы позвоним ветеринару, чтобы убедиться в этом?

– Где мы возьмем такие деньги? – Он играет в ту же иг-

ру, что и твоя мать. Я думаю о четырехстах разных ружьях и пистолетах, о мини железной дороге и мраморной статуе Христа.

– Я заплачу.

Я знаю, что не должна быть такой настойчивой. Мне нужно подыгрывать, чтобы понравиться им, но внезапно я задаюсь вопросом: правильно ли было устраиваться сюда на работу, чтобы проводить свое расследование? Они не хотят, чтобы я ходила в полицию. Не хотят, чтобы ездила в Хеппи-Кэмп. Чтобы подходила к твоему дому. Возможно, я смотрю на ситуацию не под тем углом.

Но я напоминаю себе, что ты была здесь. Ты жила здесь. И пропала ты отсюда. А еще, напоминаю я себе, Джед вернется через несколько дней. Быть может, он не будет похож на твоих родителей. Быть может, ему я смогу доверять. Я не могу рисковать своим положением здесь. И, кроме того, я хотела бы приглядывать за Белль Стар. Мне нужно перетерпеть. Мне нужно играть по правилам, нужно держаться поближе к твоим родителям.

Твой отец хмурится:

– Ладно-ладно! Я попрошу кого-нибудь зайти, но, как по мне, это пустая трата времени. – Он снимает шляпу и обмахивает ногу. – Обычно они поправляются сами. Или нет. В любом случае нам лучше вернуться к работе! – Он смотрит на меня «сурово», но любое выражение выглядит комично на его лице, будто он клоун, сбжавший из цирка в обычную

ЖИЗНЬ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.